

ПОЖАЛУЙ, НЕ БУДЕТ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕМ СКАЗАТЬ, ЧТО НИКОГДА РАНЕЕ В ШИРОКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПЛАНЕ НЕ ПРЕДПРИНИМАЛОСЬ ТАКИХ АКТИВНЫХ УСИЛИЙ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ МИРА И МИРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на завтраке в честь Премьер-Министра Великобритании Г. Вильсона.

В ИНТЕРЕСАХ ВСЕОБ

Подписание советско-английских документов. Фото А. Гостева

ЩЕГО МИРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

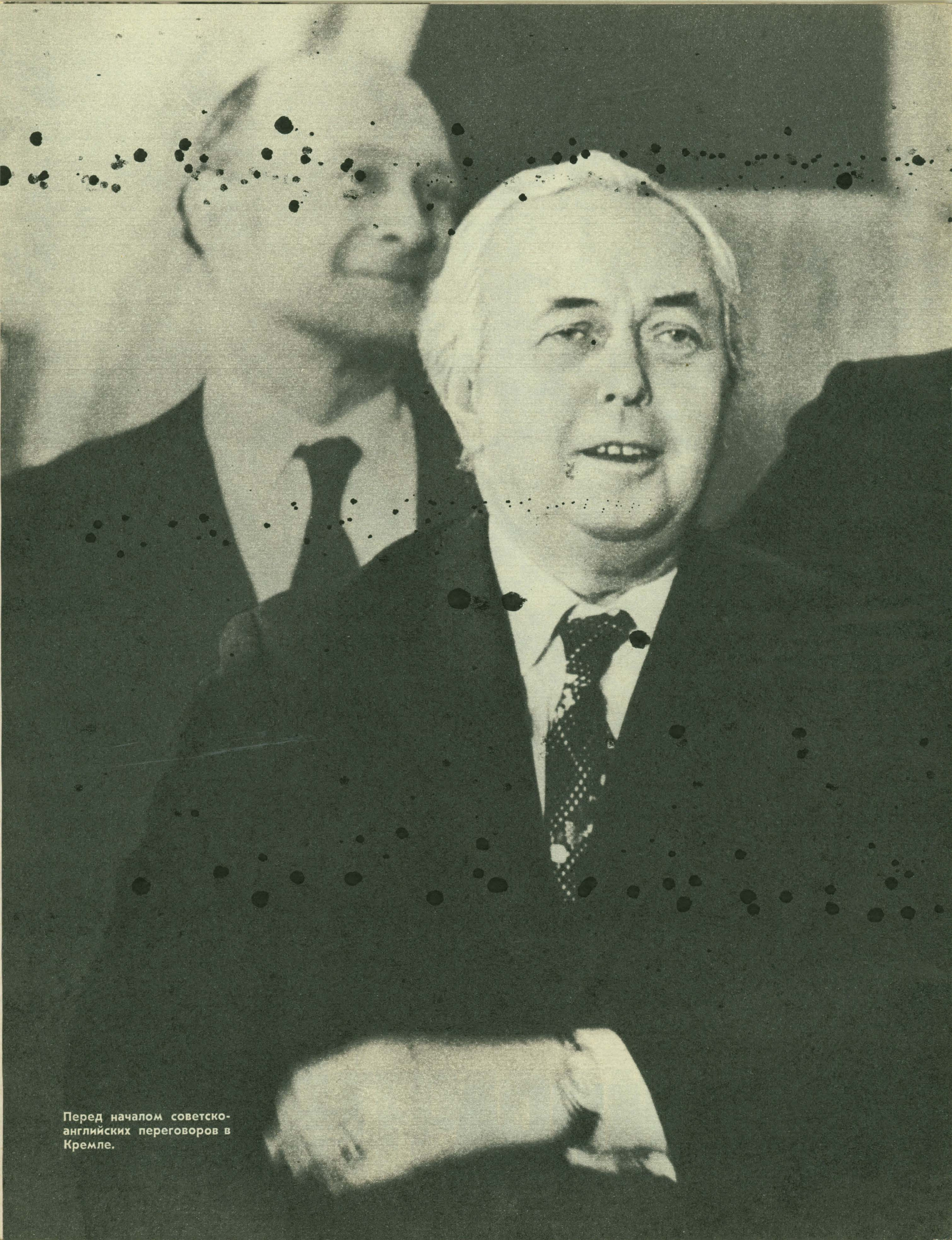
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2486)

22 ФЕВРАЛЯ 1975

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» «Огонек», 1975.

Перед началом советско-английских переговоров в Кремле.

Во время переговоров.

В ИНТЕРЕСАХ ВСЕОБЩЕГО МИРА

По приглашению Советского правительства Премьер-Министр Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии Г. Вильсон в сопровождении министра иностранных дел и по делам Содружества Дж. Каллагэна находился с официальным визитом в Советском Союзе с 13 по 17 февраля 1975 года.

Во время пребывания в Советском Союзе Г. Вильсон и сопровождающие его лица, кроме Москвы, посетили Ленинград.

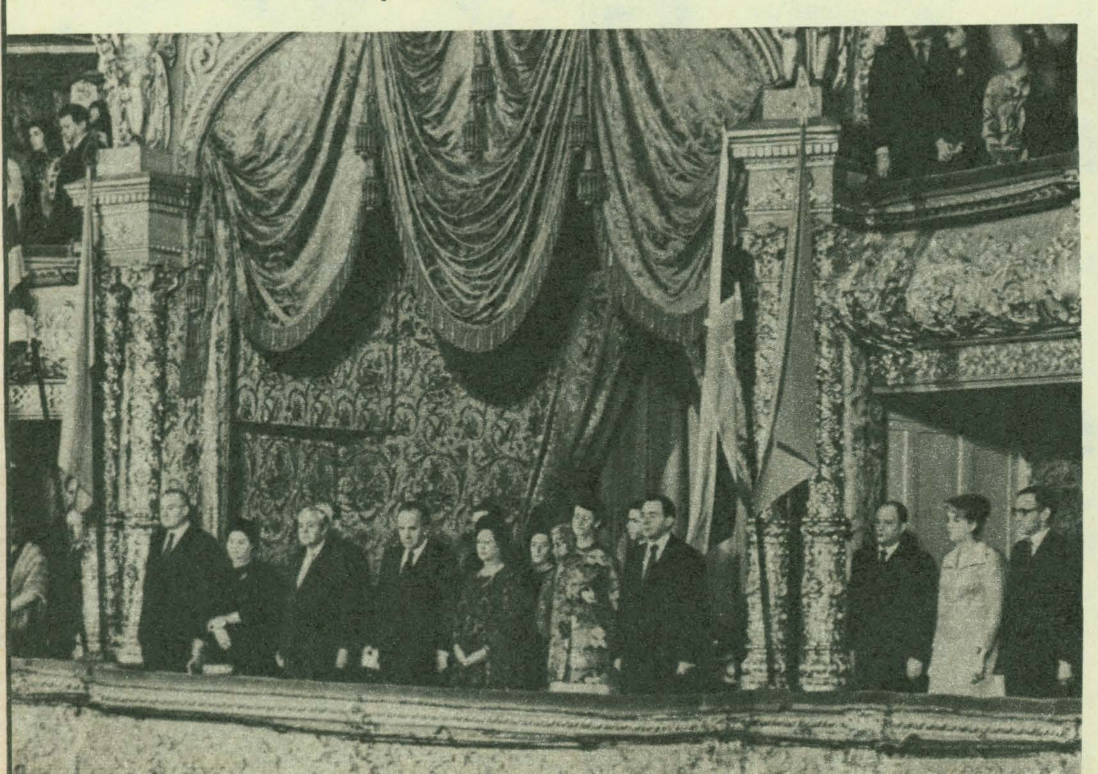
Состоялся ряд встреч и бесед Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Премьер-Министром Великобритании Г. Вильсоном и министром иностранных дел и по делам Содружества Дж. Каллагэном.

В ходе переговоров, проходивших в деловой, дружественной обстановке и в духе взаимного уважения, были обстоятельно рассмотрены вопросы советско-английских отношений и перспективы их расширения в политической, торгово-экономической, культурной и других областях. Состоялся также широкий обмен мнениями по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Советский Союз и Великобритания с удовлетворением отметили прогресс, достигнутый в последние годы в развитии разрядки, мирного сотрудничества между государствами, независимо от их политических, экономических и социальных систем. Они договорились о необходимости утверждения разрядки на прочной основе во всем мире и обязались направлять усилия своих правительств на достижение этой цели.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Премьер-Министр Великобритании Г. Вильсон подписали «Совместное советско-английское заявление», «Советско-английский протокол о консультациях», «Совместную советско-английскую декларацию о нераспространении ядерного оружия».

Премьер-Министр Великобритании Г. Вильсон и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и сопровождающие их лица в Большом театре СССР.

Премьер-Министр Великобритании Г. Вильсон на Пискаревском мемориальном кладбище в Ленинграде.

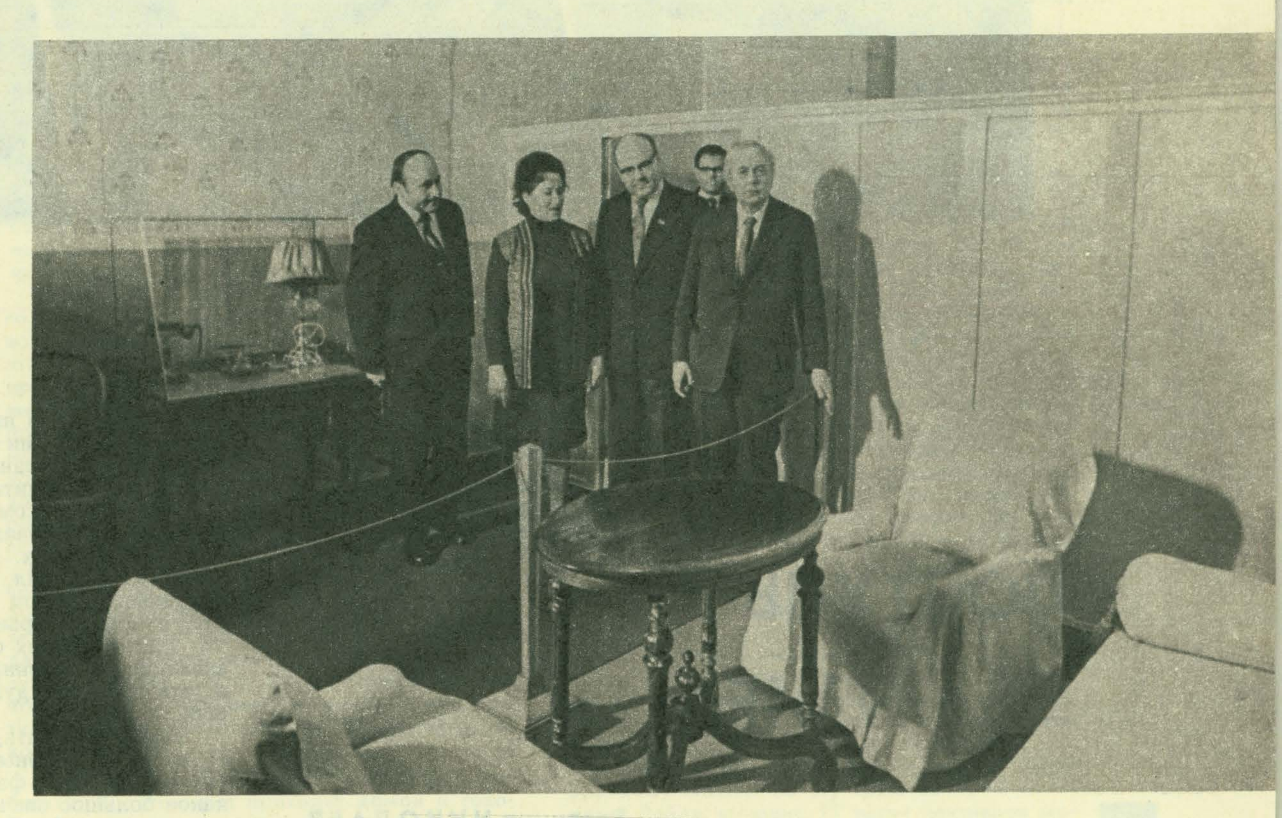

Фото специального корреспондента «Огонька» А. Гостева, В. Мусаэльяна, В. Мастюкова, М. Блохина (ТАСС).

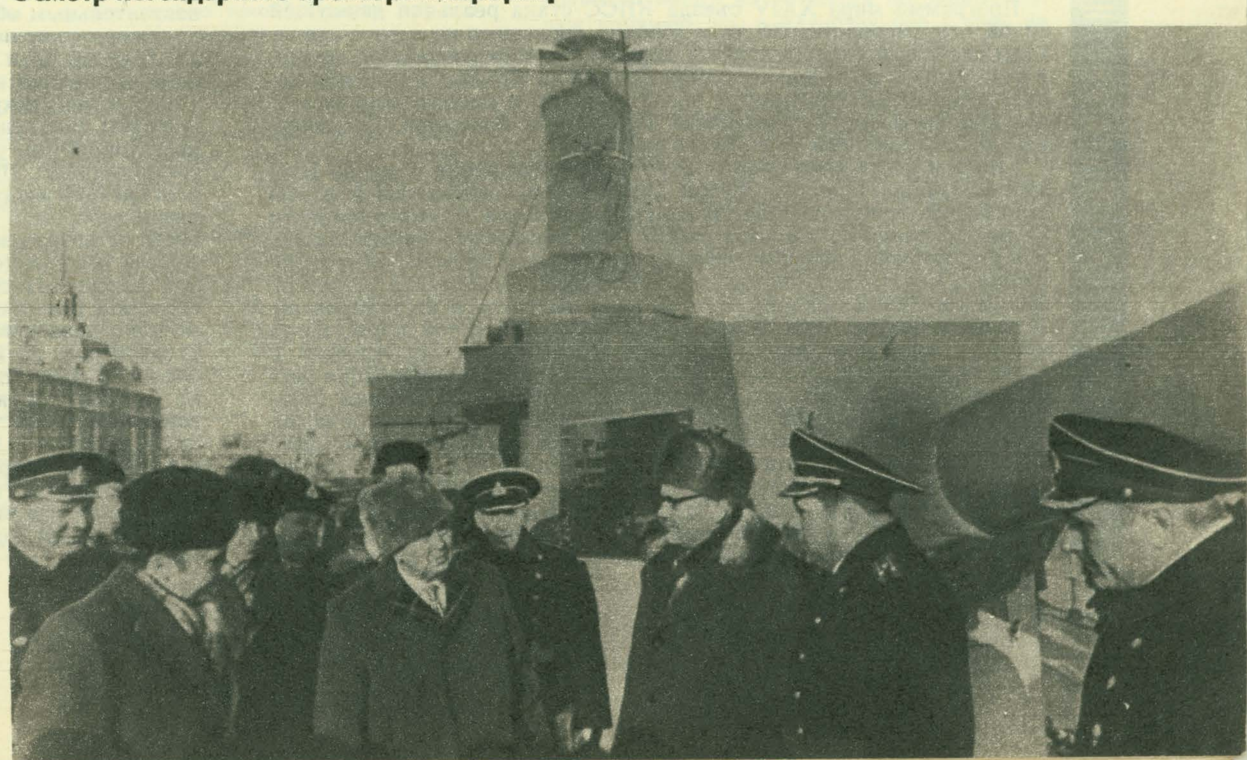
Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер-Министр Великобритании Г. Вильсон подписали «Долгосрочную программу развития экономического и промышленного сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии», «Программу сотрудничества в области науки и техники между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии на десятилетний период», «Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области медицинской науки и здравоохранения».

Посещение жилой комнаты В. И. Ленина в Смольном.

Возложение венка к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

Осмотр легендарного крейсера «Аврора».

17 февраля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное пятнадцатилетию Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы и вручению ему ордена.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев прикрепил орден Дружбы народов к знамени университета.

За время своего существования Университет дружбы народов превратился в крупный научный и учебный центр. В нем учатся представители 89 стран мира, около 5 тысяч студентов и аспирантов.

На снимке: вручение высокой награды.

ПОСТУПЬ МИРА

Владимир НИКОЛАЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Программа мира XXIV съезда КПСС стала реальной движущей силой современности. Об этом говорят происшедшие за последние годы серьезные положительные перемены в международной жизни, в том числе в отношениях между Советским Союзом и другими социалистическими странами, с одной стороны, и такими государствами, как Франция, Федеративная Республика Германии, Соединенные Штаты Америки,— с другой стороны.

Новым подтверждением конкретного претворения в жизнь Программы мира стали переговоры советских руководителей и главы британского правительства. В канун переговоров Премьер-Министр Великобритании Г. Вильсон сказал, что английское правительство хочет установить более надежные, сердечные и плодотворные отношения с Советским Союзом. Это пожелание совпадало с устремлениями советской стороны. Оно логично вытекало и из истории советско-английских отношений. Прошло полвека с той поры, когда были установлены дипломатические отношения между Англией и Советским Союзом. Прошло сорок лет со времени ратификации первого всеобъемлющего торгового соглашения между нашими странами. Скоро Советский Союз и Великобритания отметят тридцатилетие Победы над фашистской Германией, когда народы Советского Союза и Великобритании бились плечом к плечу.

К сожалению, за последние годы развитие взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами замедлилось. Такое положение дел в период разрядки международной напряженности выглядело анахронизмом. Английская газета «Таймс» на днях писала: «Советский Союз является крупной державой на европейском континенте, и Англии нужно поддерживать с ним дела. Отношения между двумя странами не были хорошими последние семь лет, и их следует улучшить».

Главным итогом успешно прошедших переговоров является то, что они ознаменовали собой начало нового этапа в советско-английских отношениях. Подводя итоги завершившимся переговорам, Г. Вильсон заявил, что этот визит должен стать поворотным пунктом, новым этапом в отношениях между нашими двумя странами. Документы, которые мы подписали, продолжал он, символизируют это новое в наших отношениях. В Совместном советско-английском заявлении подчеркивается, что переговоры внесут позитивный вклад в упрочение международного мира и безопасности, особенно в Европе.

Мировая печать, в том числе и английская пресса, отмечает, что с советской стороны возглавлял переговоры Генеральный секретарь ЦК КПСС. Этот факт, подчеркивают обозреватели, говорит о том, какое большое значение придает Советское правительство улучшению отношений с Великобританией. Международным событием первостепенного значения явилась речь товарища Л. И. Брежнева на завтраке в Кремле 14 февраля в честь Премьер-Министра Великобритании. Л. И. Брежнев, пишет западногерманская «Ди вельт», настоятельным образом обосновал необходимость дальнейшего продолжения политики разрядки напряженности.

В своей речи Л. И. Брежнев проанализировал советско-английские отношения и их перспективы, а также положение дел в мире. Генеральный секретарь ЦК КПСС отметил, что никогда ранее в широком международном плане не предпринималось таких активных усилий для укрепления мира и мирного сотрудничества между государствами. При этом Л. И. Брежнев подчеркнул, что предстоит еще сделать многое. Например, предстоит успешно и достойным образом завершить общеевропейское Совещание по вопросам безопасности и сотрудничества. Немало еще есть помех на переговорах в Вене о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. По-прежнему остается взрывоопасным положение на Ближнем Востоке, и Советский Союз решительно выступает за скорейшее возобновление работы женевской мирной конференции. В своей речи Л. И. Брежнев заявил, что все большее значение приобретает задача предотвратить дальнейшее распространение на земле ядерного оружия, повысить действенность международного договора по этому вопросу, максимально расширить круг его участников.

На пути разрядки международной напряженности еще немало препятствий, но с каждым днем все увереннее и тверже поступь мира, политика мирного сосуществования наполняется конкретным материальным содержанием, приносит ощутимую пользу миллионам людей.

твои герои, пятилетка

Недавно в печати было опубликовано письмо доярки Лейды Пейпс и ответ Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, в котором он сердечно поздравил Лейду Аугустовну, коллектив совхоза «Вильянди» и всех мастеров машинного доения коров колхозов и совхозов республики с большими достижениями в труде.

Несколькими днями позже в Указе Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства среди имен других славных тружеников было названо и имя эстонской доярки Лейды Пейпс.

РАССКАЗАТЬ ВАМ О ЛЕЙДЕ ?

Лейда Пейпс. Фото В. Сальмре

— Значит, хотите, чтобы я рассказала вам о Лейде да о нашей семье? Так, так... Это можно бы, да дней-то мне уж больно много, кто его знает, может, у меня склероз, вдруг что не так скажу. Если по годам, так мне восемьдесят три. А чего это вы так удивляетесь? Что я в тренировочных брюках да в пестрой кофте? Да где это написано, что деревенская старуха обязана ходить в длинном да в темном? Мне в длинном работать неловко, а в темном скучно.

Значит, семья у нас сейчас такая: я — Анна Пейпс; да сын мой, Кальо Пейпс,— ему сорок пять лет, он в совхозе кладовщиком работает; да невестка моя, Лейда Пейпс, ей тридцать пять лет — раз вы про нее писать приехали, то уж, наверное, знаете, что работает она дояркой и работает как надо. Ну, и еще три внука: старший, Хейки, осенью в армию пошел, служит на Украине и письма пишет, что службой доволен, да вот младшие при мне — Калле, девяти лет, в третьем классе учится, и Мярт — он в нулевом, в подготовительном, только шесть лет ему, а он уже в школу ходит. Может, так оно и верно.

А вы вот что — после того, как со мной поговорите, к нашему директору, к Харальду Мяннику, сходите, а то я могу чего-нибудь напутать — худо выйдет. Дело-то важное, надо, чтобы все правильно было.

Это поместье, по-теперешнему совхоз «Вильянди», в мою-то молодость барону фон Бокку принадлежало, мыза «Пяри» называлось. Отец мой, Тынис Патуне, у барона батраком был, а меня пятнадцати лет в мызу горничной отдали. С тех пор и ноги болят: я полтора десятка лет по их комнатам чуть не сутки кругом вертелась, все на ногах да на ногах, присесть некогда было. Замуж я вышла за баронского садовника, Эрнста Пейпса. Он хороший был человек. Всех наших мужиков тем удивлял, что еще бог весть когда говорил: «Попомните мое слово, обязательно будет у нас коммунизм. Землю тракторами пахать будут, хлеб машинами убирать». Мы всей семьей доныне удивляемся: как это он так мог все предвидеть? Может, потому, что в семнадцатом году в Петрограде солдатом служил? У нас-то тогда и слов таких не понимали, может, кто и считал его чудаком, да уж очень хороший он садовод был, таких в деревне всегда уважают. После того, как в двадцатых годах барон отсюда выехал и мызу его разорили, нам немного землицы отвели, дом вот этот мой Эрнст построил и сад этот сам насадил, да и я ему помогала, все, как говорится, своим горбом вытянули. И вот что я вам скажу (я это все, ой, как передумала): это правильно, что земля вся государству принадлежит,— от жадности к земле в людях слишком много зла было.

Немцы, как пришли в сорок первом, мужа моего за то, что он про коммунизм да про тракторы говорил, сразу и взяли. И весь скот до последней курицы отняли. Осталась я одна с сыном да с больными стариками — ох, тяжко мне было! А потом слух прошел, что мужа моего немцы убили. Кинулась искать — где убили, как убили? Всю войну и долго после войны искала, да где там... Мне и с могилой его поговорить не отпущено, так и не нашли ее до сей поры.

В колхоз в память погибшего мужа вступила сразу, хоть мне уже немало лет тогда было. Три года дояркой работала и еще бы потрудилась, руки-то у меня и теперь крепкие, а ноги — хоть отрежь...

Трудностей сначала в колхозном деле много было, байки такие, будто сами хозяйствовать не сумеем, так и сыпались. А вышло, что сами-то наилучшими хозяевами стали, и про это пусть вам директор Мянник расскажет, тут надо про тонны, да про гектары, да про кормовые единицы, а этого я не знаю — надо в бумаги для верности смотреть. Я только вижу: все люди богато жить стали, да скот хорош, да фермы такие понастроили, что и вообразить невозможно. И еще на Лейду свою гляжу — с ней прямо чудо произошло.

Поженились они рано, Лейда совсем девчонкой была, стройненькая да маленькая, ну, думаю, это не работница. Да еще и стеснительная до невозможности. А она поучилась да сразу в доярки пошла и не хуже других, а лучше работать стала. Я потом себя корила: что ж это я, крестьянка, не поняла сразу, что худенькие да скромные — они ведь жилистые, крепкие.

Лейда сначала с напарницей на ферме работала. А потом раз приходит домой и говорит: напарница моя, мол, в декретный отпуск уходит, может, мне не стоит другую просить, может, я одна со всей фермой, со всеми ста коровами справлюсь? Ай, батюшки-светы, думаю, где это видано такое? Однако про доильную машину вспомнила, говорю ей:

— А что же, машиной ведь доите, или она у тебя, может, портится часто?

Лейда говорит:

— Что ты, машина работает лучше некуда, да и я сама чувствую, что одна справлюсь. Только опасаюсь: вдруг что не выйдет — засмеют меня.

Ну, это мне не понравилось, я ей и скажи: это, мол, не прошлое время, когда человека могли ни за что ни про что засмеять. Не справишься, говорю, пойдешь к начальству и напарницу попросишь, всего и делов-то. Как-никак, а два выходных у тебя в неделю да отпуск, есть когда отдохнуть. Я тоже помогу, сколько смогу. Пробуй. Я бы не побоялась при таких возможностях, говорю. Вы только не подумайте, что я из невестки соки выжимаю, отношения у нас неплохие, я только робость не одобряю да, как все старухи, поворчать люблю. Она-то это понимает, не обижается. Но ее кое-когда подтолкнуть, приободрить надо, а так она, без хвастовства скажу, большой молодец.

Подумать надо: целых десять лет назад этот разговор случился; и взяла она на себя всю сотню коров. А работа в нынешних больших хозяйствах у доярок, сами знаете, что ни на есть трудная, хоть против прежнего и во сто раз легче. Да только люди думают не о чьей-то прежней работе, а о своей, теперешней.

Зайду к Лейде на ферму и думаю: вот где она, красота-то дел человеческих. Воздух чистый, навоз на тракторе сразу вывозят, и корма на тракторе же привозят. Свету полно. Коров каждый день дежурная по ферме чистит и моет. А молоко только и увидишь, как в прозрачных трубках быстро бежит, пенится — ни одна соринка не попадет. Про наших эстонских коров тоже, поди, знаете — хорошая порода. Видели, какого они у нас красного цвета? Это масть такая особая, чистопородная, ребятишки наши все рисуют на зеленой траве ну совершенно красных коров. Я им говорю: надо бы покоричневее, а они твердят: так красивее и правильнее, и то верно — на солнце животные так и лоснятся, так и блестят красным цветом.

И случись, прошлым летом приходит Лейда второго июня домой и говорит:

— Я пятилетку выполнила!

Как же так, спрашиваю, может, что напутала: пятилетка-то в семьдесят пятом закончится. Лейда говорит: конечно, в семьдесят пятом, только я ее сегодня кончила...

Вы в газете ее письмо Леониду Ильичу Брежневу читали? За эту свою быструю пятилетку Лейда, выходит, 15 тысяч центнеров молока надоила. Это мне трудно представить. А вот то, что в прошлом году она от каждой своей коровы по 5 200 литров надоила,— это я понимаю. Много ей пришлось потрудиться. И еще понимаю, что в одиночку она с этим ни в жизнь не справилась бы. Нынче никто в одиночку не работает. Ей совхоз помогает. Да что совхоз! Как и любому другому деревенскому рабочему, теперь все государство помогает. А вот что руководитель всей партии нашел время и ответ на ее письмо прислал, это нашему роду высокая честь. Хорошо, когда человека за большой труд благодарят и поздравляют.

Лейда большое дело затеяла: всех доярок расшевелила — и у себя в совхозе, и в нашей Эстонии, и в других республиках. Я по телевизору слежу, как горячо обсуждаются ее обязательства, ее пример. Вот я и говорю: это — дело государственное, тут моего понимания мало, идите к Харальду Мяннику, он у нас и директор и ученый человек, кандидат сельскохозяйственных наук. Если я чего не так сказала, он добавит...

Беседу с Анной Пейпс записала корреспондент «Огонька» Н. ХРАБРОВА.

ПРАЗДНИК КРАСОТЫ

Валентин **СИДОРОВ**

В 1942 году в комнате, из окон которой открывалась панорама гималайских горных хребтов, погруженных в синее мерцание, Николай Константинович Рерих записывает в дневник:

«Нынче исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей».

Далее следуют строки о сыновьях: «И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий — в науке, Святослав — в искусстве прочно укрепились».

Семья Рерихов — явление воистину уникальное. Ее влияние на культурную жизнь планеты огромно. «Вся семья была очень талантлива»,— говорит Индира Ганди, делясь впечатлениями от встреч с Рерихами. Это было родство не только по крови, но и по духу. Бесстрашно делила тяготы и опасности жизненного пути художника его жена — Елена Ивановна. Всегда и во всем — вместе. Бок о бок с мужем прошла она по маршрутам Трансгималайской экспедиции, длившейся пять с половиной лет (1923—1928 гг.). «На коне вместе с нами,— пишет Рерих,— Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она». Другиней, спутницей, вдохновительницей называет ее Рерих. Ее участие в творческой работе художника так велико, что он настаивает: на его полотнах должны стоять два имени — женское и мужское. А ведь Елена Ивановна была не только сотворцом, но и творцом. Ее перу принадлежат многочисленные литературные труды, воскрешающие дух и поэзию восточной мудрости. Лишь немногие из них известны читателю. Радость открытия главных ее произведений еще впереди.

Великолепным знатоком языка, истории и культуры восточных народов был старший сын Рерихов — Юрий. В Трансгималайской экспедиции без его знания азиатских языков и их диалектов был бы просто невозможен контакт с местными племенами. Когда экспедиция закончилась и на базе ее материалов возник Гималайский институт научных исследований, его бессменным директором становится Юрий Николаевич. Последние годы (1957—1960) он живет в Москве. Его вклад в советское востоковедение значителен и весом.

Живописный талант Рериха-младшего развивался в условиях, исключительно благоприятных для творчества. Святослав Николаевич вспоминает: «Мы все были очень тесно связаны и всегда работали вместе. Мы старались помогать друг другу, дополнять друг друга. И я должен сказать, что в Николае Константиновиче, моей матушке и в Юрии Николаевиче я имел самых близких помощников, друзей, к которым я сразу мог обращаться со всевозможными проблемами, исканиями в своей работе».

Об отце Святослав Николаевич говорит: «В старинных книгах написано: счастлив тот, кто может встретить на пути своем мудрого старца. Я его встретил. Это был мой отец. Он был главным моим учителем. Он был не только учителем живописи, но также и моим наставником в жизни, и всю свою жизнь я провел с ним, и с ним я работал не только на поприще искусства, но и вообще во многих культурных начинаниях».

Уже в ранней юности Святослав Николаевич сотрудничает с отцом. Ему нет еще пятнадцати лет, а он помогает отцу рисовать эскизы декораций и костюмов для постановки русских опер в лондонских театрах. В девятнадцать лет в Америке он возглавляет «Международный центр искусств» («Венец мира»), основанный Николаем Рерихом. Именно эта организация в трудные для Советской России двадцатые годы пропагандирует русское искусство. В институте «Урусвати» («Свет утренней звезды» — такое поэтическое наименование получил Гималайский институт) Святослав Рерих назначается вице-президентом. Конечно, Святослав Рерих известен прежде всего как художник, но деятельность его гораздо шире и многограннее. Святослав Рерих-ученый интересуется проблемами ботаники. Он собирает богатейшую коллекцию лекарственных трав. Он изучает тибетскую фармакопею. Его исследования печатаются во французской научной прессе. В 1934 году Святослав Рерих организует экспедицию в район Тибета (в ней участвуют индийские ботаники) для сбора семян засухоустойчивых трав. Примерно в то же время он устанавливает тесный контакт с советскими учеными. Святослав Николаевич ведет переписку с директором Всесоюзного института растениеводства Николаем Ивановичем Вавиловым. По просьбе Вавилова он собирает злаки, посылает ему образцы семян...

Талант живописца в Святославе Рерихе раскрылся рано. Еще учась (Святослав Рерих по образованию архитектор: он учился на архитектурном отделении сначала в Колумбийском, потом в Гарвардском университете), он экспонирует в 1922 году на выставке в Нью-Йорке свою графику. А спустя четыре года творчество Святослава Рериха получает мировое признание. На Международной выставке в Филадельфии ему присуждают первый приз за полотна на восточные темы. Святослав Рерих работает под наблюдением отца, рядом с отцом. Их совместные выставки, организованные в тридцатые и сороковые годы в Индии, собирают толпы посетителей. После смерти отца художник поселяется в Бангалоре, индустриальном и быстро развивающемся городе Южной Индии. По свидетельству местной прессы, он становится другом, наставником и руководителем почти всех подающих надежды художников Бангалора и всего штата Майсура. Вклад Святослава Рериха в индийскую культуру, его общественная деятельность на пользу мира и содружества получают повсеместное признание в Индии. В 1961 году (вскоре после того, как Святослав Рерих вернулся из Советского Союза, где в Москве и Ленинграде с успехом прошли его выставки) индийское правительство награждает его высоким гражданским орденом «Падма Бхушан».

Святослав Николаевич Рерих — духовный наследник своего великого отца. Он продолжает его традиции, но не повторяет его. Разницу между двумя художниками давно отметили индийские искусствоведы. «Его ритмы гораздо более усложнены и напряжены»,— пишет о Святославе Рерихе д-р Гетц. А сам Святослав Николаевич говорит следующее:

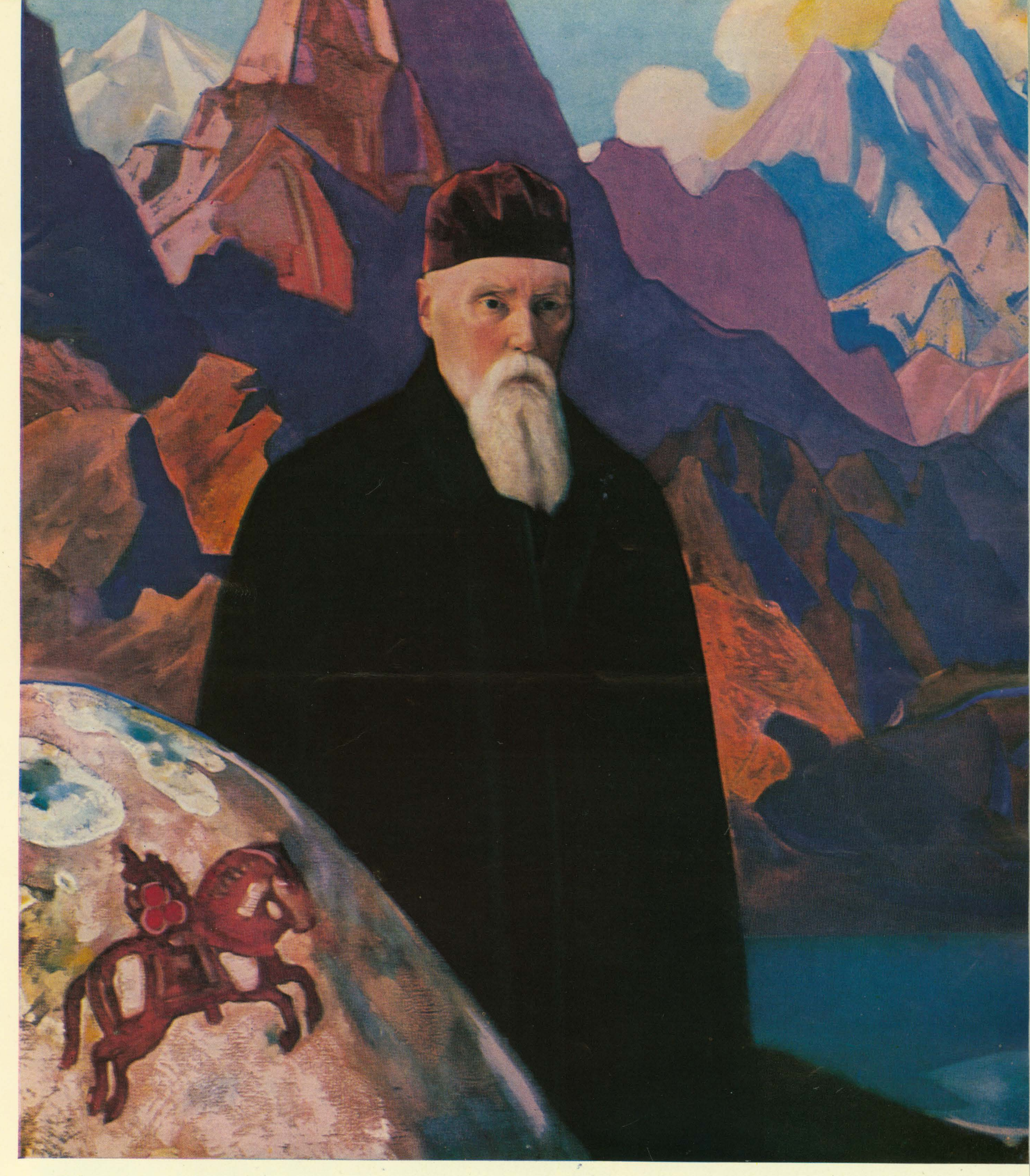
«Моя личная творческая деятельность была связана с творчеством и работой Николая Константиновича, но в моем подходе к художеству и искусству было некоторое отличие. Николай Константинович не занимался специально портретом, тогда как я именно начал как портретист. В творчестве Николая Константиновича человек уходил в глубину композиции, в моем искусстве я выдвинул человека на первый план».

Мастерство Святослава Рериха-портретиста общепризнанно. Он является создателем целой галереи человеческих лиц и характеров. В этой галерее — философы, политические деятели, художники, танцовщицы, обычные мужчины и женщины. Портреты Святослава Рериха — убедительное свидетельство его выдающихся технических возможностей. Художественный критик издания «Таймс оф Индиа» Прашер пишет: «Его способность вызвать осязательные ощущения при передаче ткани, тела и аксессуаров — настоящее чудо. Это свойство наилучшим образом проявляется... в портретах Девики Рани Рерих».

Художник верен оригиналу. Изображая модель, он старается быть документально точным. Но, разумеется, этим не исчерпывается достоинство его портретной живописи. Портреты Святослава Рериха не простые изображения; он передает характер моделей, он умеет уловить дух человеческого лица.

Девика Рани Рерих — одна из выдающихся женщин новой Индии. Выросшая в светлой атмосфере замечательной семьи (ее дедом был Рабиндранат Тагор), она в детстве уже обнаружила непреодолимую тягу к искусству. Молодая девушка становится звездой индийского кино. Отныне история национального кинематографа неразрывно связана с ее поисками, с ее работой: талант актрисы в Девике Рани органически сочетается с талантом постановщика. И вот перед нами ее портрет. Красота женского лица останавливает нас, поражает нас. Но только лишь внешняя красота? Конечно, нет, ибо здесь запечатлено и другое: красота внутреннего устремления — углубленность, одухотворенность, высокая мечтательность. И вот что замечательно. Яркая, праздничная, эффектная расцветка тканей, с одной стороны, и тихая мечтательность, даже некоторая отрешенность — с другой, не контрастируют друг с другом, а сливаются в гармоничное целое. Это, конечно, пример тонкого психологического видения художника.

Святослав Рерих часто пишет Джавахарлала Неру. Являясь другом Неру, он имеет счастливую возможность делать этюды с натуры. Президенту Индийско-советского культурного общества. Менону принадлежат следующие слова: «Никто так не известен и не любим в Индии, как Джавахарлал Неру. Я знал его по его сочинениям в течение сорока лет, и я работал с ним в тесном контакте со времени независимости. Мне кажется очень трудным описать этого человека, такого сложного, но по существу простого. Это человек действия, но также и человек великих мечтаний. В портрете Джавахарлала Неру Рерих выразил всю

С. Рерих. ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ РЕРИХ. 1939.

С. Рерих. ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ВИДЕТЬ ЭТОГО ПЛАМЕНИ. 1968.

И МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ. 1967.

целостность его характера немногими мягкими штрихами. Это как раз тот случай, когда кисть берет верх над словом, художник — над писателем».

И, конечно, Святослав Рерих создает большую серию портретов своего отца. На этих картинах, как правило, он изображает великого художника на фоне горных хребтов и неба. Нет нужды говорить, что фон не играет здесь вспомогательную роль, что это существенный компонент композиции, ибо Николай Рерих по духу своему неотделим от высоты. Мастер гор, он неотделим от голубого свечения столь любимых им гималайских вершин. Святослав Рерих пишет его лицо, на котором лежит печать могучей, всепоглощающей, творческой мысли. Это — лицо мудреца, ученого, Учителя («Махариши» — «Великий подвижник» — так называли его индийцы). Глаза его насыщены магнетической силой, энергией. «Какие окна духа!» — воскликнул один человек, потрясенный мощью этого взгляда.

Но портрет — это лишь ветвь творчества Святослава Рериха. Он не замыкает себя в узкие рамки единственного жанра. С одинаковой непринужденностью и стремительностью художник пишет монументальные композиции и жанровые сцены, пейзажи и картины-аллегории, натюрморты и портреты. Главное, к чему устремлено все существо его дарования,— это Индия. Мир Святослава Рериха — это теперешняя жизнь, пейзажи и люди Индии.

Д-р Гетц отмечает, как широк диапазон его красочной палитры: «от грандиозно-простых контрастов в изображении горных высот Гималаев до удивительно разнообразных, тонких цветовых нюансов при передаче атмосферы в период муссонных дождей и тех дней, когда муссоны стихают, при изображении уютного тепла долин и горячей мглы на равнинах». Его пейзажи — это подлинные поэмы цвета.

«Очень часто меня спрашивают,— говорит Святослав Николаевич,— могут ли быть такие сочетания, комбинации красок. Да, не только так, но гораздо ярче! Индия — страна тропическая, и свет там несравненно ярче того, что мы видим на средних широтах».

На вопрос: «Символизируют ли что-либо в ваших картинах те или иные цвета?» — художник категорически отвечает:

«Нет! В моих картинах — нет! Они отображают только то, что я видел. Но мой выбор цвета как-то помогает сюжету. Но это не символ. Просто мой выбор».

Это очень важное замечание. Когда смотришь картину с выразительным названием «И мы приближаемся», картину, где фигуры людей, лодка, скользящая по ярко-зеленой глади воды, исполнены глубокой символики, поневоле начинаешь думать о смысловой нагрузке цвета, которая как бы заранее рассчитана художником. На полотне представлены все оттенки спектра, а белая вершина на заднем плане кажется своеобразным синтезатором семи цветов радуги. Но оказывается, это не выдумка. Это написано с натуры. Святослав Николаевич называет точное место, где он увидел пейзаж и краски, перенесенные потом на холст. И вновь понимаешь, насколько мир богаче нашего восприятия. Если здесь и есть радостная символика, то ее дарует сама природа. Но дарует мягко, ненавязчиво, естественно...

«Каждое место в Индии,— говорит Святослав Николаевич,— насыщено своей историей, повсюду искусство своеобразно. И могу сказать, что этот процесс изучения художественного наследия бесконечен. Если вы поедете на север страны, вы увидите одно искусство, на юг — другое. Всюду вы найдете свое выражение творческой мысли. Но есть нечто общее, связующее все искусство Индии воедино, выявляющее собой его единый облик,— это мысль, ее глубина, единство мышления. Мысль Индии все в себя включает и ничего не исключает.

Корни древней культуры, которая пронизывает все искусство, идут далеко в глубь веков; это то, что делает Индию такой высокой страной. Каждый год я все езжу по стране, исследую, изучаю эти памятники культуры и никогда не прихожу к концу своих исследований. Всегда что-то новое, отличное. И это богатство разлито не только в памятниках искусства, но и среди самих людей».

«Моя страна прекрасна» — так называется одно из самых значительных полотен Святослава Рериха. Молодая индийская девушка в праздничном ярко-красном сари. На фоне ослепительного неба и сверкающих растений она кажется частицей этого сияющего мира индийской природы. Замечательно лицо ее, одухотворенное высоким раздумьем. Ее глаза устремлены куда-то вдаль, они как будто видят то, что еще не открыто простому человеческому взору.

Святослав Николаевич охотно рассказывает, что на полотне изображена фабричная работница, которую он хорошо знает. «Отличная работница,— добавляет Святослав Николаевич,— мастерица своего дела». А мы снова всматриваемся в картину и поражаемся творческой чуткости художника, его интуиции, его мудрости, ибо образ простой девушки здесь поднят на высоту символа. Какой красотой, каким жизнеутверждением, какой убежденностью дышит все ее существо — «Моя страна прекрасна»! Это не только настоящее, но и будущее Индии!

Живопись Святослава Рериха — утверждение, активное утверждение философии добра и мира. «Его картины обращаются непосредственно к нашему сердцу,— говорит индийский художественный критик Манохар Кауль,— и неизменно вызывают в нас стремление к миру и радости. Это высшая цель всякого великого искусства».

Темно-багровый, огненный вихрь объял пошатнувшиеся многоэтажные здания. Гибнет город. Гибнет цивилизация. Женщина закрывает глаза ребенку. «Ты не должен видеть этого пламени». Ты не должен оглядываться на прошлое, мертвящее своими токами, дабы, подобно жене Лота из библейской притчи, не превратиться в соляной столб. Что это? Пессимизм, устрашение? Нет, не устрашение, а предостережение. Вера в светлую силу человеческого духа и разума подвигнула художника на создание полотна. Ты не должен видеть этого пламени, потому что не должно быть этого пламени.

Творчество Святослава Рериха недаром привлекает к себе симпатии простых людей Индии, постоянных посетителей его выставок. Оно недаром в центре внимания прогрессивной индийской печати. В статье «Живописец высшего порядка» Прашер пишет: «В то время, когда нас несет по волнам бурного моря абстракции и «живописи действия», когда почти нет якорей, за которые можно было бы держаться, он возвышается над океаном современного искусства как некий маяк, распространяющий далеко вокруг свет вечных критериев искусства, утверждение непреходящей ценности дисциплины и классической сдержанности».

Отношение Святослава Рериха к абстрактному искусству предельно четкое. Об абстрактной живописи он говорит со спокойной интонацией, как о чем-то давно продуманном и решенном. «Абстракт достиг определенных успехов в области декоративной. Он может быть использован в прикладном искусстве. Но и только. Абстракт — это создание поверхности. В сущности, поверхность камня — это уже абстракт. Но ведь камень должно обрабатывать... Я был знаком с Пикассо, но со многими его поисками я не согласен. Представьте себе картины его последнего периода ожившими, обретшими плоть. Не правда ли,— с легкой улыбкой заключает Святослав Николаевич,— это было бы ожившим кошмаром, от которого хотелось бы поскорее избавиться».

Творческий стиль Святослава Рериха, равно как и стиль всей его жизни, может быть, наиболее точно охарактеризовал Джавахарлал Неру. Выступая на открытии выставки в Дели в 1960 году, Неру назвал Святослава Рериха своим «старым другом» и «великим художником». «Он никогда не старался выдвигать себя, а работал в тишине, в соответствии со своим гением, пытаясь найти себя в гармонии с окружающим, будь то снежные пики Гималаев, или красная земля Малабара, или другие места Индии. Он входил в соприкосновение с окружающей природой и одновременно как бы устремлялся вперед по всем направлениям: в будущее, прошлое и настоящее, пытаясь соединить их в одно целое».

Взгляды Святослава Рериха на природу искусства, на природу прекрасного исполнены особой силы и глубины. Но тут лучше предоставить слово самому художнику. Вот мысли, выражающие его творческое кредо:

«Я всегда искал красоту. Она меня привлекала. И, передавая то красивое, что я видел, я передавал долю радости, которую ощущал, когда видел сам. Часто через картины мы начинаем видеть и ценить то, мимо чего проходим, что в жизни остается незамеченным. Но тогда мы уже различаем это в жизни, и оно начинает звучать в нас. Я считаю, что именно поиски красоты, которая вела древнее искусство почти всех стран, дали миру их замечательные достижения.

...В природе много красивого. Всегда вы найдете замечательную красоту, которую природа щедро рассыпает. Посмотрите на крылья бабочки. Как замечательны всевозможные комбинации их! Посмотрите на цветы, на кристалл, на игру красок в небесах, моря и увидите, что мы окружены исключительной красотой. Только это нужно видеть и почувствовать. Что может быть красивее крыльев бабочки. Вы спросите, зачем они были созданы. Несомненно, они нужны были, раз созданы природой. Она никогда не создаёт то, что ей не нужно. Вся окружающая нас жизнь стремится как-то выразить себя в красоте.

...Каждый цветок является красивой комбинацией элементов природы. Как сложно растение и как оно благородно! И наше человеческое стремление к красоте — то же самое. Оно исходит из глубин нашей общей природы. И когда мы стремимся к красоте, мы видим и понимаем, что это не что иное, как самое рациональное и практическое отношение к миру, к жизни. Трудно иногда бывает вообще в жизни человеческой, и нужно в трудные минуты мыслить о красоте. Я считаю, что нужно всегда и во всем мыслить гармонично; это освещает нашу жизнь и даже в трудные моменты озаряет и помогает всем окружающим. Красивое мышление так же, как и прекрасная картина или изваяние, излучает красоту на всех, кто ее видит, кто с ней соприкасается».

И не случайно Джавахарлал Неру, определяя живопись Святослава Рериха, называет ее «праздником красоты». Интересно сопоставить речь выдающегося политического деятеля Индии со словами русской женщины, которые мне довелось прочитать в книге отзывов на нынешней выставке Святослава Рериха: «Одна из Ваших картин называется «Моя страна прекрасна», и это очень верно. Ваша страна действительно прекрасна, других слов не подберешь!!!»

Московская выставка 1974 года была приурочена к семидесятилетию художника. Она пользовалась колоссальным успехом. Ранним морозным утром можно было видеть у здания Третьяковки длинную, во весь Лаврушинский переулок очередь. За сорок дней выставку посетило более 160 тысяч человек. Судя по откликам (а многие оставили свои впечатления в книге отзывов), советский зритель сумел уловить самое значительное, самое характерное, что несут в себе полотна Святослава Рериха. Вот несколько выдержек из книги отзывов:

«Святослав Николаевич!

Большое спасибо за Ваш огромный труд. Благодаря ему я узнал о душе Индии и Востока более, чем из лучших книг».

«Вы подарили нам Индию, которая останется навеки в наших сердцах. Спасибо большое!»

«Благодаря отцу и сыну Рерихам мир стал больше, а Индия ближе...»

«Мир стал больше, а Индия ближе». Выступая на пресс-конференции по случаю закрытия выставки, Святослав Рерих сказал, что он расценивает свою выставку и своё творчество как один из мостов между Советским Союзом и Индией... Как и его отец, Святослав Рерих — живое связующее звено между культурами великих стран. Это понимаем мы, русские, это понимают индийцы. Знаменательны слова Менона, обращенные к Святославу Рериху:

«В Рерихе встречаются два мира: мир Индии и мир России. Это не удивительно, потому что он сам принадлежит к обоим мирам. Он индиец по браку — браку с одной из красивейших, превосходных женщин Индии. Таким образом, по наследственности он русский, по окружению он индиец... В его картинах вдохновение Индии и вдохновение России соединились в гармонии».

РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

И. Х. БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза,
Герой Советского Союза

Я не могу без волнения говорить о прославленной Академии имени М. В. Фрунзе. Военная ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова — таково ее официальное название — для нас, кадровых военных, особенно для тех, кому посчастливилось в ней учиться, она навсегда остается просто «Фрунзенкой». В этом ласковом имени как бы еще раз подчеркивается наша сыновняя любовь и особое уважение к первому высшему военному учебному заведению Страны Советов, праматери всех последующих наших военных академий, созданных по ее образцу с помощью ее кадров, с учетом ее опыта.

Ее рождение, ее история неразрывно связаны с рождением и историей Красной Армии. У ее колыбели стоял Владимир Ильич Ленин.

В первые месяцы после Великой Октябрьской социалистической революции нашлись горячие головы, которые хотели полностью ликвидировать бывшую Николаевскую военную академию Генерального штаба, доставшуюся Советской власти от царизма, или превратить ее в учебное заведение гражданского типа. В своем распоряжении главному комиссару всех военных учебных заведений 10 марта 1918 года В. И. Ленин писал:

«В виду того, что ликвидация Военной Академии или же преобразование ее в высшее учебное заведение гражданского типа совершенно не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени, Вам предлагается немедленно же задержать Ваше распоряжение от 9-го сего марта за № 2735 на имя Начальника Николаевской Военной Академии и предварительно представить в Совнарком Ваш проект реорганизации Николаевской Военной Академии.

О выполнении сего довести до сведения Председателя Совета Народных Комиссаров.»

Символичны даты: в январе 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о создании Красной Армии, а 10 марта отдал распоряжение о реорганизации академии Генерального штаба. Эта близость дат не случайна. Молодая армия рабочих и крестьян не могла обойтись без собственных грамотных, преданных революции командиров. Их нужно было учить. Но и военная академия — высшее военно-учебное заведение для вчерашних рабочих, крестьян и солдат — могла родиться только при условии, если сама армия — кровь от крови, плоть от плоти трудового народа.

Когда 8 декабря 1918 года состоялось торжественное собрание личного состава академии — этот день считается днем ее рождения,— на нем с приветственной речью выступил первый народный президент России, Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов.

Первым начальником академии был назначен генерал-лейтенант старой армии А. К. Климович, а первыми комиссарами — старые партийцы В. Н. Залежский и Э. И. Козловский. Среди слушателей первых наборов были видные организаторы и полководцы Красной Армии, герои гражданской войны: В. И. Чапаев, П. Е. Дыбенко, О. Ю. Калнынь, Е. И. Ковтюх, И. С. Кутяков, И. Ф. Федько и будущие маршалы Советского Союза К. А. Мерецков и В. Д. Соколовский.

Символично, что преподавателями стали патриотически настроенные бывшие офицеры и генералы старой царской армии, перешедшие на сторону народа и поверившие в правое дело революции. Знаменательно и то, что учиться пришли народные самородки, не имевшие специального образования, но прошедшие суровую школу мировой и гражданской войн, там, на фронте, научившиеся громить и оккупантов, и белогвардейцев, и интервентов всех мастей. Этот синтез теоретических знаний и боевого опыта дал удивительно прочный сплав, который стал фундаментом Советской Армии, ее военной науки, ее созданной по последнему слову техники боевой оснащенности. Скоро академия стала центром военно-научной мысли, выдвинув ученых новой формации: М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского, В. К. Триандафиллова, В. Ф. Новицкого, К. И. Величко, И. И. Вацетиса, А. А. Свечина, А. Е. Снесарева.

Роль Академии имени М. В. Фрунзе в подготовке командных кадров Советской Армии невозможно переоценить. Ее и созданные при ней курсы высшего начальствующего состава окончили командиры, ставшие впоследствии маршалами Советского Союза и главными маршалами родов войск: П. Ф. Батицкий, С. С. Бирюзов, С. М. Буденный, Л. А. Говоров, Ф. И. Голиков, А. А. Гречко, А. И. Еременко, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, И. С. Конев, П. К. Кошевой, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, В. И. Чуйков, Н. Н. Воронов, А. А. Новиков, П. А. Ротмистров. Перечень славных имен можно было бы продолжать и продолжать.

...Помню, как в январе 1931 года я, командир кавалерийского полка Армянской стрелковой дивизии, приехав в Москву на переподготовку, загорелся желанием учиться в Академии имени М. В. Фрунзе. Уже тогда среди красных командиров о ней рассказывалось много интересного. Набравшись храбрости, пошел на прием к ее начальнику Р. П. Эйдеману и попросил допустить к вступительным экзаменам. Он одобрил мое желание, сказал, что я должен приехать через три месяца. Накупив книг, я начал готовиться к экзаменам уже в вагоне поезда на обратном пути из Москвы. В апреле успешно выдержал испытания и, к великой моей радости, стал фрунзенцем.

В то время нынешнее здание академии на Девичьем поле только еще строилось, а учились на улице Кропоткина в старом, невзрачном по виду и неудобном по своей планировке здании. Иногда мы сами участвовали в строительстве нового здания во время субботников.

Трудное и героическое это было время — советские люди изо всех сил боролись за выполнение первой нашей пятилетки. Страна готова была отдать армии все, что могла, и все-таки средств порой не хватало. Как-то получилось, что на завершение строительства здания нашей академии денег было недостаточно. И тогда ее руководство обратилось к профсоюзам за помощью. И те, выделив от каждого члена профсоюза по полтиннику, дали 17 миллионов рублей!

Учились мы старательно, осваивали тактику, азы оперативного искусства. Армия переоснащалась новой техникой, уверенно переходя с рельсов гражданской войны на современную

основу. Мы, привыкшие к матушке-пехоте и самому маневренному роду войск — коннице, изучали танки, авиацию, инженерные и десантные войска, противохимическую и противовоздушную оборону. Все было ново: и теория и практические занятия в военных округах на западе страны и в Подмосковье. Пройдет еще несколько лет, и знания, полученные в аудиториях, мы применим в сражениях Великой Отечественной войны.

Но не только военному делу учила академия. Она воспитывала патриотов, беззаветно преданных партии великого Ленина и Родине. И в этом были едины все: и преподаватели и слушатели — верные солдаты народа.

Недавно мы отметили две даты: восьмидесятилетие со дня рождения Маршала Советского Союза дважды Героя Советского Союза С. К. Тимошенко и тридцатилетие со дня гибели в фашистском концлагере генерал-лейтенанта Героя Советского Союза Д. М. Карбышева. Тимошенко учился в Академии имени М. В. Фрунзе, Карбышев в ней преподавал. Ученик и учитель оказались достойными сынами народа, ради которого они сделали так много.

Я назвал двух, а среди выпускников «Фрунзенки» 525 Героев Советского Союза. Их подвигам посвящены тома, имена многих знает весь мир.

Не боюсь оказаться пристрастным — а какой ученик не вспоминает с благодарностью свою школу? — и считаю справедливым сказать: огромен вклад Академии имени М. В. Фрунзе в нашу победу над фашизмом. На трудных дорогах войны я всегда встречал своих однокашников. И когда 9 мая 1945 года я, командуя войсками 3-го Белорусского фронта, встретил День Победы, то на моем КП были мои боевые товарищи — начальник штаба фронта В. В. Курасов, начальник оперативного управления фронта Ф. Н. Бобков, начальник военно-санитарного управления А. И. Бурназян — все фрунзенцы. Мы были рады победе и еще гордились тем, что не подвели свою академию.

Время бежит с непостижимой скоростью. Уже давно нет среди слушателей бывших фронтовиков. Мало осталось их даже среди преподавателей. В 1964 году мы, выпускники 1934 года, решили собраться на юбилейный вечер. Явилось всего 50 однокашников. А было когда-то 250 человек. Войны нас не щадили. Было грустно. Но было и радостно оттого, что наша академия ушла далеко вперед по сравнению с тем временем, когда училось мое поколение. Наш народ, наша партия, наше государство создали будущим советским полководцам все условия для учебы и совершенствования своего мастерства. Те, кто будет стоять на страже безопасности Отечества, получили отличные аудитории, современную технику, грамотных преподавателей.

Лет пять назад я был назначен председателем Государственной комиссии на выпускных экзаменах в Академии имени М. В. Фрунзе. Странное это ощущение — принимать экзамены там, где ты сам когда-то их сдавал. Наверно, человек никогда уже не может избавиться от чувств благоговейного трепета перед своей школой. Так и я. Сидел, слушал ответы, задавал вопросы. Был одновременно и взыскательным экзаменатором и бывшим слушателем. И вот на какой мысли я ловил себя постоянно. Есть у нас старички, что любят прихвастнуть своим прошлым, поставить себя в пример нынешней молодежи: под нами-де раньше земля дрожала. Оно и вправду: у старичков прошлое героическое, и пример с них взять не грех. А все-таки нынешнее поколение ушло дальше нас. Слушая ответы нынешних офицеров-фрунзенцев, я радовался. Грамотность — это понятно: технический прогресс расширил кругозор, дал знание о том, о существовании чего в наше время и не предполагали. Радовался другому: они стоят выше своих сверстников моей молодости по развитию, по общей культуре, умению излагать мысли, мотивировать их. Они более интеллектуально развитые личности. Это логично, иначе бы начался регресс, топтание на месте. И я не ошибусь, сказав, что Академия имени М. В. Фрунзе способствовала этому прогрессу.

В учебной аудитории. **Фото Г. Макарова.**

Александр **ИСПОЛЬНОВ**

НА ПОРОГЕ ОГНЯ

Стихи молодого поэта Александра Испольнова печатались в «Дне поэзии», в журнале «Москва», в еженедельнике «Литературная Россия», в альманахе «Поэзия». В прошлом году он закончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Дружба с рабочими московского завода «Серп и молот» навеяла ему тему поэмы о молодом сталеваре, отрывок из которой мы предлагаем читателям «Огонька».

Меркнущих сновидений
бесплотные силуэты...
Сон все дальше, все меньше,
как тающий снежный ком,
сон исколот лучами,
сон раздавлен рассветом,
сон пополам разорван
врезавшимся звонком.

Время! Сергей встрепенулся.
Скорей!
Пора на работу:
часы настойчиво тикают,
солнце лезет в окно,
громко милиция в рупор
уже распекает кого-то,
и старый мотив трамваи
выстукивают давно.

А жизнь уже разгорается
в тихом дворике нашем:
коляску катит молодка,
с собакой гуляет дед...
Возле подъезда лифтерша.
— Здравствуйте, тетя Паша!
На тротуаре дворник.
— Владим Самсоныч, привет!

После дождливой ночи
небо свежо и сине.
Асфальт еще не нагрелся,
не наползла духота,
воздух волнист, прозрачен,
чисты дома и машины,
чиста листва на деревьях,
и совесть твоя чиста.

Он смотрит вокруг,
а ноги
сами точно и мудро
несут его к остановке —
молодость, ты легка!
Москва проснулась, умыта,
широко раскинуто утро.
Летают слова и взгляды,
гуляют вверху облака.
Дверь распахнул автобус,
и все в него — с лету, с ходу,
спрессованы — не шелохнуться,
вздыхают — не продохнуть...
И наконец остановка,
и прыжок на свободу,
на тротуар — одним махом...
А дальше — привычный путь.

Мимо подъемных кранов
упруго, пружинисто, споро
пробежка в две сотни метров —
дело минуты одной:
по лужам дождя ночного,
мимо глухого забора,
к желтому двухэтажному
зданию проходной.

И вот он в пролетах цеха,
где пышут мартены жаром...
Сергей, подойдя к заслонке,
собою гордясь слегка,
непринужденно и лихо,
как могут лишь сталевары,
достав сигарету из пачки,
прикуривает от «волчка».

Может, Сергея
кто-то
и примет за святотатца,
но, пожалуй, не стоит
так строго судить о нем:
так делают молодые,
чтоб робкими не казаться,
чтоб даже себе не признаться
в смущении перед огнем.

Робеешь,
словно у края
космического провала,
лицом к лицу с Бесконечным,
с эпической глубиной,
как будто рядом с частицей
божественного начала,
рядом с душою мира
и первой песней земной.

Огонь!
Разве что-то на свете
быть может огня прекрасней?
Что может быть в мире
сильнее,
что может сравниться с огнем?
Всегда он легкий, и чистый,
и бесконечно разный —
то стелется неприметно,
то скачет багровым конем.

Он с каждым мгновением
новый
и все-таки тот же самый,
величественный и вечный
среди земной суеты.
На все его превращенья
можно смотреть часами,
и нет ничего на свете,
только огонь и ты.

Огонь уничтожил Трою —
и родилась Илиада,
испепелял деревья,
чтобы прошла соха,
он —
грешный дымок сигареты,
монашеский свет лампады
и смертельное пенье
красного петуха.

Он внезапный и страшный
в вопле набатного звона,
когда в его красных пальцах
дома чернеют, хрустя,
до времени безразличный
в латунной гильзе патрона
и спящий в коробке спичек,
как в колыбели дитя.

А скольким в пути беззвездном
безвыходными ночами
в соленой морской пустыне
светил огонь маяков,
он возвращал надежду
спасительными лучами,
из темноты появляясь,
как материнский зов.

Он может растаять искрой,
может пылать месяцами,
враждебный в угольной шахте
гостеприимный в печи,
везде бесконечно разный
и все-таки тот же самый
и в буйстве лесного пожара
и в мудром свете свечи.

Огню поклонялись предки,
богом его считая,
и современник надменный,
себя всемогущим мня,
огонь подчинив надежно,
им твердо повелевая,
по-прежнему замирает
перед величьем огня.

Очередная проба.
Сергей подходит к мартену.
Жара из печи такая,
что глаза заливает пот.
Погружая длинную «ложку»
в огненную геенну,
он тяжелую меру
расплавленной стали берет.

Еще за огромной заслонкой
по-прежнему пламя вьется,
но уже наступает,
привычен и все ж велик,
миг, когда сталь молодая
в ковш из мартена польется —
всегда по-своему дерзкий,
всегда удивительный миг.

Сталь ослепляет, словно
жидкого солнца свеченье,
она стремится из лётки,
она победно искрит...
Рождение новой стали —
это новой силы рожденье:
огонь источником сущего
не зря считал Гераклит.

В стали сила народа —
с древности знаем глубокой,
и нам она верно служит
с тех незапамятных пор,
когда наш далекий предок
шел сквозь леса к востоку
и путь ему расчищали
огонь и стальной топор.

Потом Ермак и Хабаров
прошли по пространствам
Сибири —
покорно она пробуждалась
от их могучих шагов,
чтоб мускульной стала Россия,
самой обширной в мире,
чтоб три океана послушно
легли у ее берегов.

Сталь охраняла свободу,
давала и хлеб и славу,
в земле прорубала шахты,
проводила дороги в тайге,
сталь звенела клинками
у Рымника и Полтавы,
гремела у Сталинграда
и на Курской дуге.

Рождение новой стали —
это новой силы рожденье!
Торжественна музыка плавки —
и сердца и разума лад.
Жидкий металл ослепляет,
словно солнца свеченье,
в туманностях белого дыма
в стороны искры летят.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — РОДНЯ!

Книга избранных стихотворений Алексея Маркова предельно ясно выражает жизненную позицию и характер действования его лирического героя. Особенно ощутимо стремление поэта разобраться в личной ответственности человека перед самим собой и временем.

Стихи А. Маркова значительны прежде всего по смыслу. Поэт пристально всматривается в облик современника и в разговоре с ним — то проникновенно-лирическом, то скорбно-торжественном, то поднимающемся до драматических высот — полемически заостряет свои суждения, предельно обнажая собственные симпатии и антипатии.

Да, А. Марков полемичен в своих сокровенных признаниях, особенно тогда, когда разговор идет о жизни, времени, о внимании к человеку. И может даже показаться, что поэт от обилия чувств вот-вот перешагнет тоненькую границу, отделяющую лиричность от сентиментальности. Но опасения напрасны — он остается в области лирики:

Человек! Как в пустыне голодной
и душной
Стебелек прорастает от капель
воды,
Так от ветра сражений с тупым
равнодушьем
Человеческих помыслов всходят
цветы.
Человек, человек! Оправдаться
нам нечем,
Если мы проживем на отлете
свой век.
В бой за дерзкую, трудную суть
человечью!
За великое званье твое —
Человек!

Книга «Огонь и дождь» вобрала многие этапы творческой биографии А. Маркова. Поэт проявляет себя здесь и едким сатириком и мастером психологического склада, склонным к живописанию далекой истории. Но в «Легенде о Перикле», «Странице истории», стихах о Гомере, Леонардо да Винчи, Рафаэле историческая тема работает у него на решение задач современности. Рисуя фигуры великих людей прошлого, поэт утверждает ту истину, что героическое деяние, творческое горение, одержимость и высокая нравственность свойственны прежде всего тем, кто никогда не шел по обочине жизни и тяжким трудом завоевал право называться гением. Особенно сильно эта мысль прозвучала в рассказе о горьких днях великого Бетховена.

Герои стихов А. Маркова идут в мир с высоко поднятой головой. Они ценят в человеке чувство независимости, собственного достоинства. Кривые тропы, погоня за миражами славы — не их удел. Их призвание — труд и бой, чтоб «к свету вывести людей».

Алексей Марков. Огонь и дождь. М., «Художественная литература», 1974, 352 стр.

Александр ШАГАЛОВ

«...ЗЕМЛЯ, ГДЕ Я ХОЗЯИН»

Две вышедшие почти одновременно в переводе на русский язык книги известного абхазского поэта Ивана Тарбы удачно дополняют друг друга.

Влечение познать жизнь во всех ее подробностях, в бесконечности проявлений и рассказать о ней языком поэзии ведет автора по крутым горным тропам его родной Абхазии и по бескрайним сибирским просторам — он хочет многое вобрать в себя, чтобы затем отдать накопленное людям.

У И. Тарбы острый глаз и хорошая память. От мимолетных наблюдений, тонко подмеченных деталей к построению целостной картины мира — таков путь его мысли. Путь этот не только пройден, но и пережит, он неотрывен от внутреннего мира поэта и потому оказывается органичным и убедительным. Стремление к глубокой философичности, несомненные лирические достоинства усиливают привлекательность творчества Ивана Тарбы.

Стихотворение «Горные туры на водопое», чутко переведенное Ст. Куняевым, на первый взгляд очень просто. Поэт увидел спускающихся по каменистой тропе туров, восхитился грациозной картиной и опасается лишь, чтобы выстрел охотника не нарушил мига гармонии. Если бы язык поэзии не был языком метафорическим, только так, видимо, и можно было истолковать это стихотворение. Но у поэзии свои законы, и когда Тарба говорит:

Слаще и чище на свете воды
не найти!
Пьют они животворящую влагу.
Горы, как будто храня их
в нелегком пути,
высятся рядом, давая на верность
присягу,—

он не только рисует свое ви́дение этого трепетного мгновения, но и выражает пафос лирического ощущения природы как единого, нерасторжимого целого.

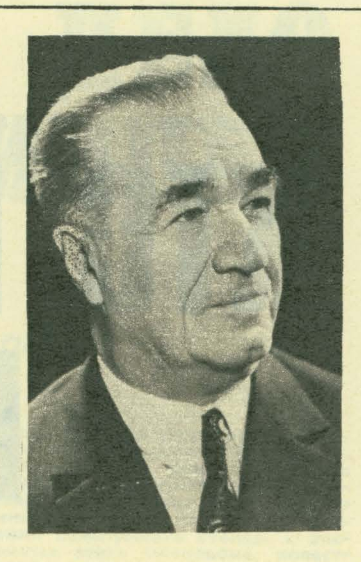
У Ивана Тарбы много стихов, где живет, дышит, «действует» природа. Наравне с человеком — она главный герой его поэзии. Среди этого приволья, полного света и ласкового тепла, звучат песни его родного народа, по мотивам которых создал И. Тарба свою «Книгу песен». Его стихи — дань глубокой любви и уважения традициям, обычаям, прошлому и настоящему своей Родины. Книга любовно переведена Яковом Козловским. Переводчик, работая над большим количеством стихотворений, сумел не только достичь стилистического единства, но и приблизиться к поэтическим особенностям подлинника, учесть творческую индивидуальность автора. К сожалению, этого единства во многом лишен сборник «Я встречаю солнце», сравнительно небольшое число стихотворений которого переводили восемь поэтов, и результаты их труда оказались неравноценными.

Но главный результат налицо: читатель не пройдет равнодушно мимо стихов Ивана Тарбы, поэта ясного и тонкого дарования.

Иван Тарба. «Я встречаю солнце». М., «Молодая гвардия», 1973, 128 стр.; «Книга песен». М., «Советский писатель», 1973, 80 стр.

В. ЕНИШЕРЛОВ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Ф. ПИМЕНОВА

ВСЕГДА В ПУТИ

Поистине, кто отдает свое сердце молодежи, тот сам остается молодым. Не потому ли так трудно представить себе семидесятилетним человеком Влáдимира Федоровича Пименова, чье имя сразу ассоциируется с юной писательской порослью: почти четверть века преподает он в Литературном институте имени А. М. Горького и десять лет является его ректором.

Мне посчастливилось последние годы близко знать Владимира Федоровича по совместной работе в этой школе молодых талантов. Удивительно гармонично сочетаются в нем качества гражданина, наставника-педагога, крупного театроведа и обаятельного человека, готового в любую минуту помочь и советом и делом. В студентах В. Ф. Пименов видит не просто своих «подопечных» — он их любит, а для него любить — значит воспитывать.

Он никогда не жалеет времени, чтобы внимательно проанализировать работы студентов, встретиться с начинающими авторами не только в стенах института, но и в общежитии или в клубе молодого литератора. Больше всего заботит В. Ф. Пименова развитие и укрепление творческой одаренности будущих прозаиков, драматургов, поэтов, критиков, переводчиков. «Не обижайте начинающих литераторов, не выносите скоропалительных приговоров, но и следите за тем, чтобы их таланты получали верное направление» — вот любимая фраза В. Ф. Пименова, которая часто звучит при его встречах с руководителями творческих семинаров института.

Моральное право быть наставником и другом литературной молодежи Владимир Федорович заслужил всей своей жизнью. Он прошел большую трудовую школу, в двадцатые годы совмещал учебу в Воронежском государственном университете с работой на заводе. По окончании университета он работал в областных организациях культуры, преподавал в Воронежском пединституте.

В послевоенные годы В. Ф. Пименов много сделал для развития советского искусства, будучи директором Государственного академического театра имени Евгения Вахтангова, а затем возглавляя управление театров Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР. И тогда и позже, когда он был председателем комиссии по драматургии Союза писателей СССР и редактировал журнал «Театр», сколько бы сил и времени ни забирала работа, Владимир Федорович всегда хранит верность своему творческому призванию — быть писателем, публицистом, театральным критиком.

В одной из своих статей В. Ф. Пименов заостряет мысль о том, что «вместе с углублением искусства во внутренний мир человека, овладением новыми эстетическими высотами, новые рубежи должен брать и критик, все больше превращаясь из рецензента во властителя дум, из комментатора — в социолога». Этим высоким требованиям отвечает творчество самого исследователя. Конкретный анализ отдельных произведений нашей драматургии и театральных постановок постоянно сочетается в его книгах с глубокими теоретическими обобщениями, пронизанными коммунистической партийностью и народностью. На всех этапах борьбы, пройденных партией, писатель-коммунист В. Ф. Пименов оставался и остается активным идеологическим бойцом.

Можно смело утверждать, что в творчестве В. Ф. Пименов проявляет редкий талант ученого, умеющего представить процесс развития единой интернациональной советской драматургии как результат взаимовлияния и взаимообогащения наших национальных литератур. Известно, какая бескорыстная дружба скрепляла взаимоотношения В. Ф. Пименова с выдающимся украинским драматургом А. Корнейчуком, с народным поэтом Азербайджана С. Вургуном, с белорусским поэтом и драматургом П. Глебкой, с крупнейшим эстонским писателем А. Якобсоном. Сейчас в каждой союзной и автономной республике успешно работают его ученики и соратники. А. Макаенок и А. Делендик — в Белоруссии, А. Чуча — на Украине, Т. Таганов — в Туркмении, А. Балакаев — в Калмыцкой АССР...

Свою последнюю книгу В. Ф. Пименов назвал «Продолжение пути». Это название символично: оно знаменует и поступательное движение советской драматургии и новые источники вдохновения для автора книги.

Яркий путь Владимира Федоровича Пименова, ученого и воспитателя, всегда влюбленного в жизнь, в свою работу, продолжается.

Смелости и зоркости ему в решении новых идейных задач, душевной бодрости и здоровья в пути к вершинам творчества!

А. ВЛАСЕНКО

КТО НАЗОВЕТ ИХ ИМЕНА?

НАШ ПУЛЕМЕТНЫЙ РАСЧЕТ

Как сейчас, помню раннее утро 2 мая 1945 года у Бранденбургских ворот. Уличные бои затихли. Голодные жители — старики, женщины — стали выходить из подвалов. Командир приказал моему расчету взломать двери магазинов. Мы открыли двери и стали раздавать жителям мясо, свиное сало. Этот магазин находился справа, на фото он не вышел. Когда закончили, побежали к центру, где стоял танк. Когда я увидел этот фотоснимок, сразу же нашел себя и двух своих товарищей справа внизу, в самом углу.

Мы, пятеро восемнадцатилетних парней, из Ноемберянского района, Армянской ССР. После окончания десяти классов в 1944 году нас мобилизовали в армию и хотели отправить в Степанакертское военное пехотное училище, но все попросились на фронт. В апреле 1945 года попали на передовую. Бои тогда шли уже на территории Германии. Мы воевали в составе 166-го гвардейского стрелкового полка.

Командиром нашей пулеметной роты был старший лейтенант Загребельный. В расчете, которым командовал я, все пятеро были армяне: 1-й номер-наводчик — я, 2-й номер — Арутюнян Еранос и трое подносчиков — Хачикян Саак, Исраелян Жора и Хачикян Марлен. В самом Берлине, как раз в ночь с первого на второе мая, мы спрятались в подвале одного дома, и я установил свой «максим» в окне, ожидая фашистов. Когда забрезжил рассвет, начались бои. В большом полуразрушенном здании прятались гитлеровцы. Они выставили в окно пулемет. Но наши артиллеристы открыли огонь по этому дому. Открыл огонь и я. Фашисты стали разбегаться.

В этом бою двое Хачикянов получили ранение, их отправили в санбат. Осталось нас трое. И вот мы поспешили на площадь, где проходил митинг. У Бранденбургских ворот сосредоточилось много частей. Командир батальона, не помню, из какого подразделения, поздравил с победой и взятием Берлина. Несколько часов спустя наш полк и другие части двинулись к Чехословакии, где еще продолжались бои. 9 мая, недалеко от Праги, получили сообщение о капитуляции Германии.

После войны мы, трое боевых друзей, служили в десантных войсках парашютистами. Имею 85 прыжков. Демобилизовался в 1950 году. Два товарища были ранены и тоже вернулись домой.

Все пятеро 1926 года рождения, получили высшее образование, вступили в партию, женаты, имеем детей.

Я капитан милиции, работаю старшим госавтоинспектором Аштаракского района, живу в Ереване. Арутюнян Еранос Саркисович — председатель райпотребсоюза в Ноемберяне. Исраелян Жора Агасиевич — начальник стройучастка в Ереване. Хачикян Саак Самсонович — начальник отдела заготовок при райпотребсоюзе в Ноемберяне. Хачикян Марлен Сарибекович — преподаватель техникума в Кировакане.

Часто встречаемся, вспоминаем былые дни. Если посчастливится побывать на праздновании 30-летия Победы в Москве или в Берлине, я надеюсь, что увижу и других боевых товарищей.

Уважаемая редакция, если есть возможность, сделайте так, чтобы я выступил по телевидению. Многие солдаты и командиры нашей роты были на этом митинге. Они, наверное, хорошо помнят пулеметный расчет армян. Может, им в руки не попал номер «Огонька» с фотографией. А живое слово по телевидению скорее дойдет. Я хорошо помню моих боевых товарищей — командира роты старшего лейтенанта Загребельного, старшину роты Вычинкина, адъютанта-связного Ерецко Николая, солдат Гуценко, Монахова, Селиванова, Кустаняна, Гаврильчикова, корреспондента Вишнецова и многих других.

А. АБОВЯН

Ереван.

АВТОГРАФ НА РЕЙХСТАГЕ

Я узнала своего мужа Окуня Александра Васильевича, он в пилотке, стоит на танке позади башни. Рядом с ним — Баклаков Петр, механик-водитель. Я не совсем уверена, подтвердить мог бы только сам Александр Васильевич, но он умер в 1973 году. Может, другие товарищи откликнутся. Мой муж был в Берлине и даже расписался на стенах рейхстага. Для него все это было святым. Старший лейтенант Окунь командовал ротой 8-го отдельного танкового ремонтного батальона I Белорусского фронта.

После демобилизации работал на заводе «Красный металлист» в городе Конотопе, Сумской области, сначала технологом, потом начальником цеха, секретарем парткома завода, инженером-конструктором и затем начальником отдела проектно-конструкторского института при заводе.

Очень хотелось бы узнать о боевых друзьях-товарищах мужа.

На фотографии, которую я высылаю,— Баклаков и Окунь (с п р а в а).

А. БОНДАРЕНКО

Конотоп.

НАШЕЛ СВОЕГО ДРУГА

Мое самоходное орудие под рейхстагом было подбито. Не помню, на чем добирался до Бранденбургских ворот — то ли на самоходке, то ли на грузовике. Помню, рано утром сюда подошла колонна танков и начался митинг. Трудно выразить радость, которая охватила нас тогда.

На снимке я узнал себя и моего боевого друга Федю Юцая. Мы с ним вместе воевали в полку РГК, который был придан 71-й стрелковой дивизии.

Когда пошли на штурм Берлина, наш полк был на 1-м Белорусском фронте в составе 3-й ударной армии и 5-й ударной армии. Командир полка — полковник Серов, его заместитель по строевой части подполковник Шулико. Командир батареи — капитан Бугримов. Я был у него наводчиком.

Кавалер двух орденов Славы
А. КРАВЧЕНКО

Волгоградская область.

Мой друг Федя Юцай.

«ВОТ НАША БАТАРЕЯ!»

Как могу я не отозваться, когда наша минометная батарея 236-го гвардейского стрелкового полка 74-й гвардейской дивизии 8-й армии находилась в это время у здания, которое так хорошо видно из-за танка у самых Бранденбургских ворот.

Хорошо помню заместителя командира полка гвардии майора Чиндарева, который сейчас живет в Киеве.

Командиром минометной роты был молодой гвардии капитан Н. Симоненко. Командиром минометного расчета — кавалер двух орденов Славы Илья Трапезников.

Раннее утро 2 мая 1945 года. К нам от Бранденбургских ворот выехали на автомашине парламентеры с белым флагом. Стрельба прекратилась. И когда парламентеры вернулись, по усилителю объявили: Берлин капитулирует. Гитлеровцы строго по команде выходили из руин, складывали оружие. Все мы ликовали: победа! Вскоре наше подразделение отвели на Потсдамский аэродром. Мы там находились до подписания документов о капитуляции.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими. Инвалид Отечественной войны. Отец погиб на фронте в 1942 году, брат погиб в Берлине.

После войны я окончил Днепропетровский сельскохозяйственный институт. Стал зоотехником, технологом по производству продуктов животноводства.

ЭТО БЫЛО 2 МАЯ

В составе 1071-го легкого артиллерийского полка 10-го танкового корпуса РГК я участвовал в боях за Берлин с 23 апреля и до самого конца. Все знают, какие упорные бои шли в то время.

На снимке я в середине группы. Когда слушал выступающего, товарищ толкнул меня и сказал: «Посмотри, нас снимают». Я увидел корреспондента, который спускался уже с какого-то возвышения. На фотографии есть еще три солдата из нашего полка. Помню, одного фамилия Шелупец, он родом с Украины, танкисты, если мне не изменяет память, со 2-го Белорусского фронта. В это время на площади были в основном солдаты 10-го танкового корпуса и других войск 1-го Белорусского фронта, а к полудню собрались, как мне кажется, войска всех смежных фронтов. Что там было — это трудно передать на бумаге!

Посылаю свою фотографию того времени и снимок, где я прощаюсь со своими друзьями по фронту — они уезжают домой.

К. СТАВАШ,
бывший гвардии сержант

Витебская область.

Все время работаю в одном хозяйстве. Вот уже второй год — секретарь партийного комитета колхоза имени Дзержинского, Павлоградского района, Днепропетровской области. Хозяйство, одно из лучших в области, досрочно завершает план 9-й пятилетки. По итогам 8-й пятилетки награжден орденом Трудового Красного Знамени.

А. ПАКУЛЬ

Днепропетровская область.

ПРАВОЕ ДЕЛО ПАЛЕСТИНЦЕВ

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

ИНТЕРВЬЮ С ЯСИРОМ АРАФАТОМ

— Для путника, идущего тяжелой и дальней дорогой, нет ничего важнее, чем хорошие и верные друзья, которые поддержат в трудную минуту, помогут преодолеть препятствия, отразить опасность. Наша дорога нелегка. Но у нас есть такие друзья. С нами — Советский Союз. И мы смело идем вперед, глубоко убежденные в том, что дело наше правое.

Так сказал мне Ясир Арафат, председатель исполкома Организации освобождения Палестины (ООП). Имя этого видного арабского политического деятеля, признанного лидера палестинского сопротивления, хорошо известно ныне во всем мире. Уроженец Иерусалима, Арафат еще в 1948 году, восемнадцатилетним юношей, стал активным участником борьбы с террористическими группами сионистов. Позже он эмигрировал в Египет, где окончил инженерный факультет Каирского университета, затем — офицерскую школу. В 1956 году Арафат приступил к созданию палестинских отрядов для борьбы с агрессором, в 1969-м возглавил ООП, которая на совещании глав арабских государств в Алжире признана единственным законным представителем палестинского народа. Арафат говорит уверенно и живо, время от времени подкрепляя свои слова энергичными жестами.

— Сегодня есть все основания утверждать, что налицо широкое, подлинно международное признание справедливости тех целей, за которые борется арабский народ Палестины: наглядное тому доказательство — известные резолюции XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подтвердившие неотъемлемое право нашего народа на самоопределение, предоставившее ООП статус постоянного наблюдателя при ООН. Принятие этих резолюций — знаменательная веха в истории нашей борьбы. Исключительно важен и тот факт, что нам, палестинцам, впервые была предоставлена возможность рассказать о наших целях с высокой трибуны форума наций. И ныне весь мир знает: цель, которой мы добиваемся, — это мирная и благородная цель, она состоит в том, чтобы на палестинской земле могли в мире и согласии жить все населяющие ее народы. Путь к этому лежит через возвращение палестинцев к родным очагам, через создание палестинской администрации на оккупированных ныне Израилем арабских палестинских территориях. Только так можно раз и навсегда вычеркнуть из списка острых и нерешенных политических проблем современного мира палестинский вопрос, корни которого лежат в доктрине сионистов, поддержанных международным империализмом...

Он продолжает говорить, а я слушаю его и невольно обращаюсь памятью к поездкам на Ближний Восток, к встречам с палестинцами, которые могут служить как бы живой иллюстрацией слов лидера ООП. На территории традиционной международной ярмарки, открывающейся каждую осень в столице Сирии Дамаске, есть павильон «Палестина», созданный по инициативе ООП. Нельзя без волнения осматривать стенды и экспонаты этого павильона, повествующие о трагедии арабского народа Палестины! О том, как сионизм совершил одно из своих самых позорных преступлений, развязав кровавый террор против арабов, вынудил сотни тысяч палестинских арабов искать прибежище в других странах. О том, как в результате израильской агрессии 1967 года новый поток беженцев хлынул с захваченных территорий...

— Взгляните на эту карту,— говорил мне один из сотрудников павильона.— Здесь стрелками показано, куда судьба забросила палестинских беженцев. В Сирии их более 170 тысяч, в Иордании — около миллиона, в Ливане — 300 тысяч, в Ираке — 15, в Саудовской Аравии — 25, в Египте — 35, в Ливии — 7 тысяч человек. Свыше ста тысяч палестинцев эмигрировало в Латинскую Америку, примерно 15 тысяч — в ФРГ. Наш народ, насчитывающий в общей сложности свыше 3,2 миллиона человек, оказался разобщенным: в изгнании находится более двух миллионов палестинских арабов. Сотни тысяч обездоленных людей вынуждены жить в лагерях для беженцев...

— В течение долгого времени после того, как были попраны права нашего народа, палестинцы пытались добиться восстановления этих прав политическими средствами, — продолжает Ясир Арафат. — Но в обстановке террора, развязанного Тель-Авивом, это оказалось невозможным. И тогда палестинцы встали на путь вооруженной борьбы. Пламя ее разгорелось особенно ярко в период, последовавший за израильской агрессией 1967 года. Палестинские партизаны взрывают израильские военные склады, нападают на базы, атакуют военные посты. Разумеется, схватки с вооруженным до зубов противником порой приводят к серьезным потерям среди участников движения сопротивления, которых наш народ называет «федаинами», что значит «жертвующие собой». Но на место павших становятся сотни, тысячи новых бойцов...

Правители Израиля, сионисты возвели террор в ранг государственной политики, и на них лежит ответственность за целую цепь беспримерных по своей жестокости преступлений против палестинского и других арабских народов, — говорит Ясир Арафат. — Эти преступления приняли особенно массовый характер прежде всего на оккупированных территориях, там, где хозяйничает израильская военщина. Знаете ли вы, например, о том, что в созданных Израилем на захваченных землях концентрационных лагерях томится свыше 18 тысяч молодых палестинцев, в том числе две тысячи девушек? Или о том, что сионисты создали на этих землях, кроме «обычных», еще и два так называемых «специализированных» лагеря, по типу фашистских, где содержатся арестованные старики, женщины, дети? Или о свирепствующих в оккупированных районах военных судах, которые бросают людей в тюрьмы и концлагеря только за «сочувствие» ООП? Недавно, когда на западном берегу Иордана проводились массовые демонстрации против оккупантов, в поддержку ООП, принявшие особенно широкий размах в связи с обсуждением палестинского вопроса в ООН, тель-авивские каратели уничтожили свыше тысячи домов арабских крестьян и бросили против демонстрантов танки, давя гусеницами безоружных людей. И все эти злодеяния сопровождаются завываниями сионистской и империалистической пропаганды, которая, пытаясь отвлечь общественное мнение от черных дел, творимых на оккупированных землях Тель-Авивом, дискредитировать палестинское сопротивление, обвиняет в «терроризме» нас, палестинских борцов!..

Он с минуту помолчал, сдерживая охватившее его волнение.

— Поистине лицемерие агрессора можно сравнить разве лишь с его жестокостью. Но мы, палестинцы, убеждены: никакой ложью, никакими инсинуациями не удастся опорочить палестинское сопротивление, которое вместе с другими народами арабского мира борется за ликвидацию последствий израильской агрессии, за справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке. Особенно теперь, когда благодаря нашей стойкости, благодаря поддержке, оказанной нам Советской страной, другими социалистическими государствами, всеми миролюбивыми, антиимпериалистическими силами, палестинское национально-освободительное движение окрепло, возмужало, получило признание ООН и обрело возможность дополнить вооруженную борьбу дипломатическими и политическими средствами.

Палестинский вопрос — неотъемлемая часть ближневосточного урегулирования. Советский Союз, другие миролюбивые государства, последовательно выступающие за такое урегулирование, вновь и вновь подчеркивают, что оно невозможно без вывода израильских войск со всех оккупированных ими в 1967 году арабских территорий и обеспечения законных национальных прав арабского народа Палестины. Эта программа и есть тот единственно верный ключ, с помощью которого можно открыть дверь, ведущую на дорогу мира...

Беседу вел
Юрий КОРНИЛОВ

Фоторепортаж военного летчика-инструктора майора Анатолия РЯБКО и журналиста Юрия ПЕТШАКОВСКОГО

МЫ РАБОТАЕМ В НЕБЕ

Говорят, летчики — самые верные, самые нежные, самые храбрые люди. Их нелегкая служба всегда считалась романтичной, а сами они — романтиками: как птицы, первыми встречают восход солнца, покоряют заоблачные высоты, а скорости их машин гораздо быстрее звука.

Летать — удел влюбленных в небо людей. Но пилоты не романтики, пилоты — работники. И летчикам раньше, чем другим мужчинам, снегом заносит виски.

Заместитель командира эскадрильи по политической части капитан Виктор Головин — военный летчик-инструктор 1-го класса.

Последняя прямая перед посадкой. Впереди бетонка — начало и край земли для всех пилотов.

Такая уж служба у истребителей — охранять мирное небо. Из ночного полета вернулась машина капитана Анатолия Фильченкова.

Военный летчик-инструктор 1-го класса полковник Дмитрий Владимирович Гандер убежден, что в учебном процессе летная практика неотделима от науки. При работе над кандидатской диссертацией на соискание ученой степени кандидата психологических наук он исследовал более пяти тысяч посадок курсантов.

Свободный воздушный бой, который только что провели военные летчики-инструкторы 1-го класса капитаны Николай Харлашкин и Анатолий Фильченков, получил высокую оценку не только по материалам объективного контроля, но и опытного летчика-ученого Д. В. Гандера.

Практические полеты и научные исследования плодотворно сочетаются в работе Дмитрия Владимировича. Этот снимок сделан за несколько минут до его вылета на перехват воздушной цели в стратосфере.

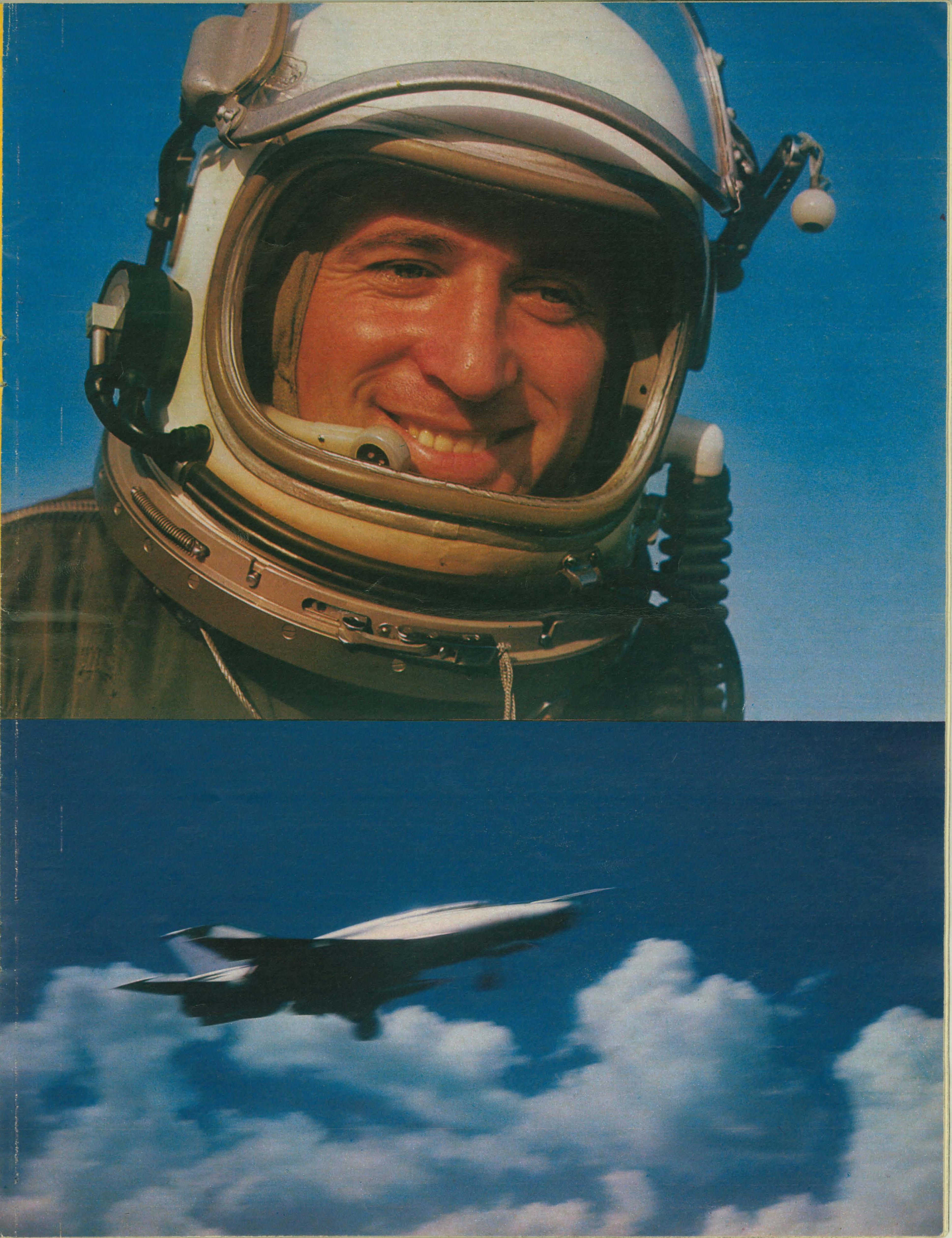
Пока техники готовят машину к полету...

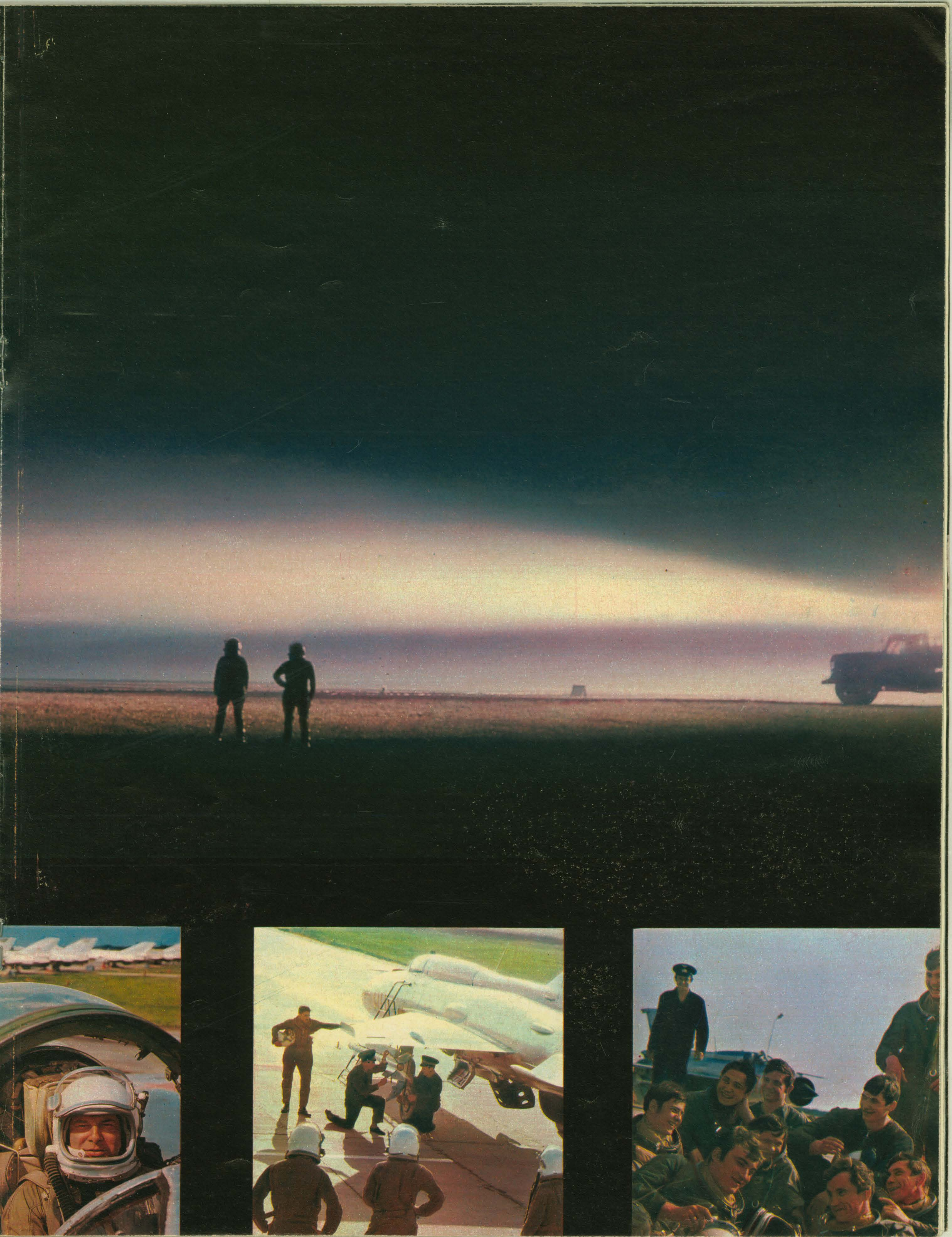
В свободную минуту отдыха...

Истребитель готов к вылету на выполнение любого учебного или боевого задания.

ИСТОКИ «ТИХОГО ДОНА»

Михаил АЛПАТОВ,
доктор исторических наук

* * *

В 1918 году началась иностранная военная интервенция. Первыми в наши пределы вторглись, как известно, кайзеровские дивизии. На их пути оказался и Дон. На Украину они вошли в феврале, на Дону появились весной. Вооруженные силы революции вынуждены были отступать. По железным дорогам Донской области эшелон за эшелоном двигалась армия Ворошилова, пробиваясь с Украины к Царицыну. Дон был оккупирован. Это было не только внешнее вмешательство, это было вмешательство в социально-политические процессы в нашей стране. Советская власть на Дону была свергнута штыками оккупантов, немецкое вторжение резко усилило колебания основной массы донского казачества в сторону контрреволюции. Это было чрезвычайно важное обстоятельство.

Дело в том, что ко времени прихода немцев в политической обстановке на Дону успели произойти существенные перемены. До сих пор с Советской властью донцов крепко связывала борьба за выход из войны. Теперь с войной было покончено — в марте 1918 года был подписан Брестский мир. Больше того, недавний враг «германец», явившись на самый Дон, помог донцу отстоять земельный пай.

Ведь что произошло к этому моменту в земельных отношениях на донской земле? Советская власть стала наделять землей казачью бедноту и иногородних. И если эти социальные категории имели все основания считать, что их борьба принесла свои плоды, то донец-середняк, не говоря уже о кулаке, считал себя ущемленным, потому что наделение безземельных и малоземельных шло за счет не только войсковых, но и паевых земель. До сих пор земельный вопрос для донца-середняка стоял на втором плане, теперь он выступил на первый план. Все это создавало иные политические настроения середняцкого казачества. Недавно шедший за Советской властью, середняк стал склоняться на сторону контрреволюции.

Не будь чужеземной оккупации, последствия таких колебаний были бы совсем другими: кое-где могли быть кулацкие восстания, как это бывало и в других местах, кое-где в этих восстаниях мог быть замешан и середняк, но Советская власть быстро справилась бы с положением, опираясь на рабочий класс, на иногородних, на казачью бедноту и на определенную часть тех же середняков. Присутствие же кайзеровских войск и торжество белогвардейщины меняли картину.

Нельзя сбрасывать со счетов и бешеную белогвардейскую агитацию, обращенную к казачеству. Ее не следует представлять примитивно. Речь шла вовсе не о «царе-батюшке», не о защите помещика и фабриканта. Идеологическая работа русской контрреволюции на Дону — один из примеров фальсификации истории, одна из попыток поставить исторические традиции на службу реакции. Белая власть апеллировала к исторически сложившейся вольнолюбивой традиции донского казачества. Старинный лозунг «с Дона выдачи нет» был использован для защиты бежавших на Дон остатков российской контрреволюции, казаков звали, чтобы защищать «в час невзгоды честь свободы», которую Дон в прошлом нес России. При этом в ход шли даже имена Болотникова, Разина, Булавина и Пугачева. Такая агитация сбивала с толку казаков, толкала их в сторону контрреволюции. Это коснулось и тех, кто недавно вместе с Подтелковым устанавливал Советскую власть на Дону.

Вспоминается сцена на перроне Глубокой, которую мы, сибилевские ребята, наблюдали в мае 1918 года. Двое бывших подтелковцев стояли в толпе немецких солдат. Один из них, явно щеголяя перед приятелем умением изъясняться с немцами, старался растолковать своим собеседникам:

— Черти вы не нашего бога, сколько же раз вам нужно шпрехать, чтобы вы хоть трошки уферштеяли... Ну, слухайте ишшо разок, биттедритте... Мы вас, конечно, в гости не звали, но польза от вас, прямо сказать, вышла нашему брату,— от паршивой овцы и то польза бывает... Но как бы эта самая польза нам боком не вышла, понимаешь. Вот вас не нынче-завтра выбьют отсюдова, а нам хохлы да русаки и начнут кишки выпускать к чертовой матери... Капут нам будет... Хана!.. Ну, хоть теперь-то дошло?.. По мордам вижу, опять ни хрена не дошло!

Все это тогда нас очень забавляло. Я не понимал всего трагического значения этого монолога. Но понять это мне помог другой разговор, который мы услышали в тот же день, на том же перроне. Рассказывали, что Подтелкова и Кривошлыкова повесили, а их отряд расстреляли.

— Где это было?— спросил я у стоявшего рядом незнакомого сверстника.

— Да то ли на Скосырской, то ли на каком-то Пономаревом. Кто ж его знает,— ответил тот, смахивая с губ шелуху от семечек.

Я был потрясен. Потрясен, потому что для меня это были живые, знакомые люди, которых я не так давно слушал в Каменской и всей душой был на их стороне. Трудно было поверить, что их уже нет в живых, не представлялось, что их казнил не кто-нибудь, а свои же казаки, что среди них были и бывшие подтелковцы, как уверяли люди. Но верить было надо. Ведь тот казак, который растолковывал немцам свою «программу», был тоже из тех, кто на этой же Глубокой ходил в атаку на «партизан» Чернецова и с этой же самой Глубокой ходил брать калединский Новочеркасск.

Обо всем этом я вспомнил несколько лет спустя, когда читал «Тихий Дон». Для меня это был не просто роман, это была живая история донского казачества в гражданскую войну. Григорий Мелехов казался мне старым знакомым, не говоря уже о Подтелкове и Кривошлыкове. Григорий прошел по всем изгибам того шляха, по которому прошла основная масса донцов. Он вошел в революцию как единомышленник Подтелкова, он участник каменских событий, которые я видел, он участник разгрома отряда Чернецова на Глубокой и не ходил брать Новочеркасск только потому, что на Глубокой был ранен.

А потом начались те самые перемены в настроении донцов, что я наблюдал в жаркий майский день 1918 года. Трагедия Подтелкова и Кривошлыкова, вождей революционного казачества, состояла в том, что они не поняли этого поворота. В то время как революция отступала из донских степей к Царицыну на новые рубежи, они с кучкой людей бросились в атаку. Они по инерции жили еще январскими настроениями, они верили, что стоит им только появиться в своих, верхних станицах, как казачество поднимется за Советскую власть. Они не хотели верить, что их донцы стали другими. А те в мае действительно уже были другими. Этого не понял Подтелков, но это хорошо понял Шолохов. Доказательство тому — его Григорий. Недавний подтелковец, участник установления Советской власти на Дону, он был теперь уже в белом стане, он бросал упреки в глаза обреченному Подтелкову. Казачьи вожди были выдвинуты периодом первой победы Советской власти на Дону, они ушли вместе с этим периодом. С января по май многое изменилось в наших донских степях.

* * *

Изменилось размежевание классовых сил на Дону, изменились и оценки В. И. Ленина роли донского казачества в этот период гражданской войны. Но и теперь речь шла вовсе не о какой-то однозначной оценке, а об оценке очень сложной: Ленин рассматривал вопрос конкретно, в зависимости от места, времени и обстоятельств, в зависимости от того, какие задачи вставали перед революцией. Можно указать на три аспекта, отмеченных В. И. Лениным при определении роли казачества — и не только донского — в этот наиболее трудный для революции период. Во-первых, отношение к Донской белой армии, двигавшейся на Москву. Во-вторых, отношение к казачеству в освобожденных Красной Армией районах. В-третьих, отношение к казачеству в момент краха белого движения и победы революции.

Когда на Дону победила контрреволюция и Донская армия рядом с армией Добровольческой выступила против Советской власти, речь могла идти только о военной победе над контрреволюцией. Отзывы В. И. Ленина о казачестве носят чрезвычайно резкий характер, в той обстановке они не могли быть иными. В марте 1919 года В. И. Ленин указывает на связь донской белогвардейщины с интервентами: «Казаки Краснова держались все время при помощи иностранного золота: сначала германского, потом англо-французского» (т. 38, стр. 34). В апреле, указывая на значение Южного фронта, он пишет: «Действительно, на Южном фронте сосредоточились такие силы красновцев и там настолько прочным было гнездо несомненно контрреволюционного казачества, после 1905 года оставшегося таким же монархическим, как и прежде, что без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи» (там же, стр. 277). В телеграммах на фронт он подчеркивал эту опасность. В апреле 1919 года В. И. Ленин телеграфирует украинскому правительству: «Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков и взять Ростов хотя бы ценой временного ослабления на западе Украины, ибо иначе грозит гибель» (т. 50, стр. 290). От Южного фронта он требует немедленного подавления Верхнедонского восстания (там же, стр. 306, 314, 319). В. И. Ленин обращал внимание на специфику южной армии белых: «Особенностью деникинской армии является обилие офицерства и казачества» (т. 39, стр. 55).

Здесь речь, конечно, не идет о казачьей бедноте и батрачестве, стоявших на стороне революции, здесь речь не идет о той части середняков, которая сражалась в рядах красной конницы. Здесь идет речь о кулацких верхах казачества и массе середняков, повернувшей в этот период в сторону контрреволюции.

Но даже в эту полосу победы контрреволюции на Дону колебания середняка не прекратились, ситуация менялась, а в связи с этим усложнялись и оценки В. И. Ленина. Об этом свидетельствуют тогдашние события. С падением Советской власти на донские станицы и хутора, в особенности на Верхнем Дону, был обрушен белый террор. Офицерские карательные отряды творили произвол на донской земле, контрреволюция жестоко мстила донцам за «подтелковские» времена. Все это создавало крутое недовольство среди казачьей массы. От Добровольческой армии, где преобладал буржуазно-помещичий состав, Донская белая армия отличалась и в социальном и в политическом отношении — здесь силен был середняк. Рубеж 1918—1919 годов ознаменo-

Окончание. См. «Огонек» № 8.

вался общеизвестными на Дону событиями,— перебив офицеров, верхнедонцы на Калачовском направлении открыли фронт красным, разошлись по домам и на митингах в своих станицах снова признали Советскую власть. Такой поворот событий имел серьезные последствия — фронт белых откатился к Донцу. На значительной части Донской области была восстановлена Советская власть. Памятная казакам станица Каменская снова стала фронтовым рубежом.

Эти события создавали благоприятные условия для закрепления середняцких масс казачьего Дона за революцией. И партия делала для этого все возможное в тех условиях. Еще декретом СНК от 9 декабря 1917 года с казачества была снята пожизненная военная служба, которая, кстати сказать, тяготела над донцами с 1763 года. Казаки освобождались от недельной службы при станичных правлениях, от отбывания майских лагерей и явки на военные смотры. Отношение к широким слоям казачества в гражданскую войну строилось на основе линии партии, которая нашла воплощение в декрете Совнаркома от 1 июня 1918 года. Декрет устанавливал, что «трудовому казачеству, совместно и на равных правах с проживающими на казачьих землях трудовым крестьянством и рабочими, предоставляется право организации Советской власти», а органами этой власти являются Советы казачьих, крестьянских и рабочих депутатов. Ленин требовал бережно относиться к историческим и бытовым особенностям казаков, стремиться к тому, чтобы не обострять отношений с трудовым казачеством.

«Ревком Котельниковского района Донской области приказом 27 упраздняет название «станица», устанавливая наименование «волость», сообразно с чем делит Котельниковский район на волости.

В разных районах области запрещается местной властью носить лампасы и упраздняется слово «казак».

В 9 армии т. Рогачевым реквизируется огульно у трудового казачества конская упряжь с телегами.

Во многих местах области запрещаются местные ярмарки крестьянским обиходом. В станице назначают комиссарами австрийских военнопленных.

Обращаем внимание на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаических пережитках.

Ответьте телеграфно» (т. 50, стр. 387).

Но и эти ленинские указания встретили яростное сопротивление троцкистов. Начались перегибы по отношению к казачеству. Подобная политика вытекала из самой сущности троцкизма; считавший крестьянство враждебным классом, троцкизм тем более рассматривал как враждебную силу казачество — организованное военное сословие. Троцкисты решительно отрицали наличие трудового казачества, все казачье сословие изображалось как русская реакционная Вандея. Известно, что такая политика возглавлялась самим Троцким, что большую роль в ее проведении на Южном фронте сыграл Сырцов. Известно и то, что в борьбе с троцкистской практикой большую роль сыграл член Реввоенсовета Южного фронта Трифонов, с подлинно партийных позиций информировавший ЦК.

Партия принимала самые решительные меры, чтобы исправить положение, но деятельность троцкистов все же нанесла огромный вред как в политическом, так и в военном отношении,— она спровоцировала Верхнедонское восстание, сыграла на руку белогвардейщине. Это был сильнейший удар по Южному фронту, о чем рассказывает маршал Егоров в книге «Разгром Деникина». Восстание заставило снять с фронта значительные силы и явилось не последней причиной поражений на Южном фронте. В мае 1919 года войска генерала Секретева, переправившись через Донец, двинулись на соединение с восставшими. Фронт стал перемещаться на север, на этот раз до Орла и Тулы.

...И как тут не вспомнить Григория Мелехова, прошедшего этот извилистый путь! Вместе с братом Петром и верхнедонцами он бросил фронт, прискакал домой, распахнув перед красными ворота на Дон. Но проходит немного времени, и братья Мелеховы уже в числе командиров Верхнедонского восстания. Сколько раз мне приходилось слышать суждения верхнедонцев, и митякинцев, и каменцев, прочитавших «Тихий Дон». От них, понятно, нельзя было услышать тех надуманных сентенций, с которыми некоторые литературоведы выступают до сих пор; говорили они довольно однообразно, коротко, на одну и ту же тему, но говорили, кажется, самое главное. Один мой собеседник выразил это более пространно: «Вот так оно и было... А как же иначе? Ить Гришка-то Мелехов, он же всеми жилами и пажилами врос в отцовский двор,— куда же ему было податься! Куда все, туда и он... Уж мы-то знаем, как дело было! Надо же понимать, что к чему!»

Но мы знаем также, как дело было дальше. А дело было так: когда деникинский фронт продвинулся к северу — до Москвы, казалось, было рукой подать,— тут-то у «единой неделимой России» все и развалилось. Почему? Хорошо известны крупные военные успехи Красной Армии, у которой после победы над Колчаком освободились руки,— разгром корпуса Кутепова под Орлом и корпусов Шкуро и Мамонтова под Воронежем. Но дело не только в военных победах. В войне, а тем более в войне гражданской, огромную роль играют социально-политические и внешнеполитические факторы. В числе внутренних таких факторов не последнее место сыграла гражданская позиция донца-середняка, занимавшего столь большое место в Донской армии, двигавшейся на Москву.

Что же произошло к моменту наивысших успехов Деникина? По мере его продвижения на север возвращались помещики и фабриканты, которые не только «ничего не забыли и ничему не научились», но в припадке лютой злобы учиняли дикую расправу над мужиком, захватившим помещичью землю, и над рабочим, ставшим хозяином на заводе. Шла кровавая реставрация порядков царской России. Но в то время как Добровольческая армия рвалась в Россию к своим вотчинам и заводам, все более мрачнел донец.

Перед казаком предстала замученная и окровавленная страна, где хозяевами жизни были все те же «их благородия» и «их превосходительства». Не за это уж какой год мыкался донец по дорогам войны, не ради этого бросил он обезоленную семью и разоренное хозяйство, не во имя этого он умирал. В нем просыпался труженик, а труженик не хотел воевать за царство бар и холопов.

Даже земельный вопрос в этой ситуации отступил на задний план. Советская власть без земли казака не оставляла, в привилегированное положение по сравнению с ним никого не ставила. Теперь среди казачьей массы вызревает убеждение решать земельный вопрос вместе со всем народом. Именно теперь, под впечатлением белого террора на захваченной территории, который казакам пришлось и самим изведать, в Донской армии начинают поговаривать, что в России земли всем хватит, ею «хоть заглонись», как скажет Григорий Мелехов.

Не раз приходилось встречаться с мнением, что казаки в гражданскую войну боролись за реставрацию царской России. Это верно, если иметь в виду донское дворянство, буржуазию и кулачество. Но это глубоко неверно, если говорить не только о казачьей бедноте и батрачестве, но и о середняцкой массе. Царские порядки были бременем для основной части казачества; они означали для него тяжелую, пожизненную воинскую повинность, связанную с крупными расходами, которые нередко вконец разоряли казачье хозяйство. Земельный пай был не только прибытком, он закабалял казака, словно николаевского солдата, на военную службу и обязывал его самого же эту службу оплачивать. Разве случайно, что листовки Донского комитета нашей партии, обращенные к казакам уже в начале века, подчеркивали, что царская Россия казаку не мать, а мачеха именно потому, что она закабаляла его беспросветной и дорогостоящей военной службой. Поэтому в период победы контрреволюции на Дону середняцкая масса донцов, примкнувшая к белому стану, вовсе не хотела реставрации царских порядков. Когда донец увидел эти порядки на территории «единой неделимой России», у него пропала охота воевать за Деникина.

Но была еще одна причина, которая настораживала донца по отношению к белому стану,— это антинациональная роль белогвардейщины. Казачество, исстари охранявшее границы России, складывалось как сила патриотическая. Донец хорошо усвоил, что «англичанка» всегда «гадила» России, он знал, что «союзники» ничего не дают даром, что за английское обмундирование и за оружие, поставляемое «союзниками», придется платить национальной честью. При белых штабах появлялись союзнические «миссии», лакейское поведение перед ними «их превосходительств» не сулило ничего доброго — оно напоминало, что белогвардейщина была в полной зависимости от заграницы; в случае победы белого стана Россия неизбежно окажется на запятках других держав.

«Продают, сволочи, Россию!» — так думали не только казаки, но даже часть офицерства.

Перед лицом такой опасности всякие счеты казаков с Советской властью оказывались «домашним делом», куда чужеземцам нечего совать свой нос. Григорий Мелехов тоже так думал.

Словом, в самый разгар военных успехов деникинской армии наступил ее социально-политический крах. Армия южной контрреволюции прошла тот же путь, который незадолго перед тем прошла армия Колчака. Политические колебания середняка привели к резкому падению боеспособности Донской армии, она стала разлагаться, превращаться в слабое звено деникинского фронта. И чем сильнее были удары Красной Армии, тем сильнее шло это разложение. Начался генеральный «отступ» деникинских армий.

Это была военная и политическая катастрофа. Осенью 1919 года фронт белых был под Тулой, зимой пытался задержаться на Маныче, а в марте 1920 года он уже уперся в берег Черного моря. Значительная часть казаков разбрелась по домам, когда фронт проходил по Донской области, часть застряла в кубанской грязи, часть была брошена бежавшим начальством на черноморском берегу, подавляющее большинство таких вернулось домой. Какое-то количество уплыло в эмиграцию, остатки стали пробиваться в Крым. Но была еще одна часть донцов, и притом немалая. Это те, кто, влившись в полки Конной армии, пошел от Черного моря в походном порядке на белопольский фронт защищать границы России от международной контрреволюции. Оттуда они повернули на Врангеля, брали Перекоп. Врангелевщина была последней попыткой контрреволюции уцепиться хоть за край российской земли, попыткой, в которой принимали участие казаки, но в которую середняцкое большинство донцов уже не верило — не удержался в седле, на хвосте не удержишься.

Как оценивал В. И. Ленин положение, когда к осени 1919 года дало себя знать разложение деникинской армии? Возьмем высказывания Ленина в октябре 1919 года. Они писались примерно в одной и той же обстановке, объединены во времени, а главное, связаны единой ленинской концепцией, сложившейся в этот переломный момент гражданской войны. К этому времени Колчак был разбит, окончательно обнажились причины крушения сибирской контрреволюции, опыт гражданской войны на востоке мог быть использован для анализа обстановки на юге. Этот опыт помогал не только правильно осмысливать текущие события, но и делать определенные прогнозы, формулировать закономерности.

В свете сибирского опыта перспектива на Южном фронте представлялась Ленину в следующем виде: «...На Южном фронте, с одной стороны, неприятель больше всего опирался на казаков, которые боролись за свои привилегии, а с другой стороны, там больше всего было образовано полков добровольческой армии, которые, полные негодования и бешенства, боролись за интересы своего класса, за восстановление власти помещиков и капиталистов. Здесь, поэтому, нам предстоит дать решающий бой, и здесь мы видим то же, что мы видели на примере Колчака, одержавшего вначале огромные победы, но чем дальше шли бои, тем больше редели ряды офицеров и сознательного кулачества, которые составляли главную силу Колчака, и тем больше ему приходилось брать рабочих и крестьян. Они умеют воевать чужими руками, они сами не любят жертвовать собой и предпочитают, чтобы рабочие рисковали головой ради их интересов. И когда Колчаку пришлось расширять свою армию, это расширение привело к тому, что сотни тысяч перешли на нашу сторону. Десятки белогвардейских офицеров и казаков, перебежчиков от Колчака, говорили, что они убедились, что Колчак продает Россию оптом и в розницу, и, даже не разделяя большевистских взглядов, переходили на сторону Красной Армии. Так кончил Колчак, так кончит и Деникин» (т. 39, стр. 244).

Таков анализ Ленина. Эксплуататорские классы России переживали в гражданской войне последний акт своей исторической трагедии. Для победы нужна массовая армия, но по своему классовому составу она неизбежно оказывается враждебной белому движению и не хочет сражаться за интересы своих классовых врагов. Более того, необходимость опираться на интервентов и платить за это интересами России сталкивает эксплуататорские классы с патриотической частью своих же сто

ронников. Это значило, что и в национальном плане эксплуататорские классы терпели крах. Что касается казачества, то интересы его большинства и в классовом и в патриотическом отношении все больше расходились с интересами белого лагеря.

Роли донского казачества в крушении деникинщины Владимир Ильич придавал огромное значение. «Победы, одержанные на днях... взятие станицы Вешенской,— показывают успешное продвижение наших войск к центру казачества, которое одно только давало и дает возможность Деникину создавать серьезную силу. Деникин будет сломлен, как сломлен Колчак» (там же, стр. 206). О том, какова будет позиция донцов, позволяло судить то обстоятельство, что казаки по всей России в этот период поворачивались против белогвардейщины. Об этом Ленин говорил в обращении к красноармейцам: «Мы знаем, как кончилась подобная же попытка Колчака. Не надолго обманул он уральских рабочих и сибирских крестьян. Увидав обман, испытав бесконечные насилия, порку, грабежи от офицеров, сынков помещиков и капиталистов, уральские рабочие и сибирские крестьяне помогли нашей Красной Армии побить Колчака. Оренбургские казаки перешли прямо на сторону Советской власти.

Вот почему мы твердо уверены в нашей победе над Юденичем и Деникиным. Не удастся им восстановить царской и помещичьей власти. Не бывать этому! Крестьяне восстают уже в тылу Деникина. На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина. Кубанские казаки ропщут и волнуются, недовольные деникинскими насилиями и грабежом в пользу помещиков и англичан» (там же, стр. 232).

Что Ленин не исключал донцов из этого общеказачьего фронта, показывает его доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков в марте 1920 года, где он сформулировал вопрос о главной причине победы Советской власти над белым станом. «И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то что Колчака и Деникина поддерживали великие державы, так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу» (т. 40, стр. 183). Речь шла о тех крестьянах и трудовых казаках, которые «долгое время оставались потусторонниками», то есть оставались по белую сторону фронта гражданской войны. Ленин указал и на ту причину, которая сроднила всех этих людей. «Труд же сделал из нас ту силу, которая объединяет всех трудящихся» (там же, стр. 184).

Таков взгляд Ленина на казачество в годы революции и гражданской войны. Изучить какое-либо историческое явление, по Ленину, значит ответить на вопрос, чем это явление было в прошлом, какие этапы проходило в своем развитии и чем оно стало теперь. Это мы видим и на примере интересующей нас проблемы. Анализ Владимира Ильича всегда конкретен. Донское казачество в годы гражданской войны прошло ряд этапов; на каждом из этих этапов ситуация на Дону, как и во всей стране, складывалась то в пользу революции, то в пользу контрреволюции. И мысль Ленина неотступно следовала за действительностью, изучая соотношение классовых сил в данный момент и делая из этого соответствующие выводы для революции.

* * *

В 1920 году гражданская война на Дону закончилась. Правда, контрреволюция еще пыталась вести арьергардные бои, еще не оставляла планов «поднять казаков», чтобы «переиграть» результаты гражданской войны. Начался бандитизм, бороться с которым было не так просто. Об этом пишет в «Пройденном пути» С. М. Буденный, об этом я немало слышал и от И. А. Дорошева, об этом хорошо знаем мы, «комсомольцы двадцатого года». Но никаких поправок в приговор истории бандитизм внести уже не мог, это была кровавая месть белогвардейщины за свое поражение. Донское казачество вместе со всем крестьянством России вовлекается в русло строительства социализма на нашей земле.

Весь этот путь прошел и Григорий Мелехов. Вместе со своими однополчанами и хуторянами он пережил еще не одно докучливое сомнение; вместе с ними он пробился через кубанскую весеннюю распутицу к новороссийскому берегу, где кончалась русская земля и начиналось море; вместе с другими донцами его бросили на этом краю земли; вместе с ними он с ненавистью смотрел на обезумевших от страха, штурмующих пароход господ старой России, к которым в его душе всегда жила неприязнь. Казаки были нужны, когда воевали за них, теперь господа спасают собственную шкуру, казаки им уже не надобны! Но казаки уже и сами не хотят покидать русский берег. В рядах красной конницы Григорий идет защищать эту землю от польской шляхты. Теперь его мечта — вернуться домой, чтобы работать на этой земле. И хоть вернуться оказалось непростым делом, хоть дорога Григория домой лежала через бандитский отряд, но все же она привела измученного казака под родную крышу. И пусть ему пришлось начинать жить сначала, но это была его жизнь. Это была жизнь труженика, землероба. Дорога Григория через две войны и две революции завершилась.

* * *

Вокруг образа Григория Мелехова литературоведы ломают копья по сию пору. И чего только не писали!.. Слов нет, не одним историкам об этом судить. Но есть одно — и притом очень важное — обстоятельство, о котором хочется напомнить. У марксиста-историка и марксиста-писателя общая историческая концепция. Известно, что к конкретным явлениям жизни у историка и писателя разный профессиональный подход, известно также, что в изображении действительности писателю по сравнению с историком даны большие льготы. Но в оценке исторического процесса в целом наши взгляды совпадают. Воля писателя, какими средствами изображать действительность, но знать эту действительность, знать, «как дело было», знать, куда и как история путь держит, он обязан. Как ни бегай, а от истории не убежишь! Это же относится и к критику.

Писать о «Тихом Доне», о Григории Мелехове, не уважая историю, никак нельзя. Правы те критики, которые разобрались, «что к чему» было в подлинной жизни.

РАДИСТКА АСЯ

В Горной Силезии, где тянутся к солнцу кудрявые вершины стройных буков, на одном из деревьев белеет памятная доска. «Здесь в августе 1944 года приземлились советские разведчики,— гласит лаконичный текст,— майор Степанович, Василь, Николай и радистка Александра Анисимова и объединились с группами польских партизан Бренны и Устрони для совместной борьбы с гитлеровцами».

О героических событиях, происходивших в этих местах, рассказала в своей небольшой книжке Александра Анисимова, или просто Ася, как звали ее товарищи — соотечественники и бойцы движения Сопротивления, польские партизаны. Всем, чем только могли, помогали советским разведчикам польские патриоты — и в эфир летели все новые и новые радиограммы о численности и дислокации вражеских войск, о движении фашистских эшелонов. А уж удары краснозвездных «петляковых» были точны...

Неудачное приземление, дни без пищи, болезнь, полицейские облавы — это и многое другое пережила юная радистка. Рискуя жизнью, не страшась карателей, прячут ее крестьяне. О ней постоянно заботятся товарищи — без связи с Большой землей огромная, самоотверженная работа десятков людей станет бессмысленной. Дружеское участие, братская теплота, скрепленные общей целью и общей кровью, вселяют необыкновенную духовную силу в семнадцатилетнюю девушку с тихой московской улицы Селезневки.

Асе удалось осуществить свою мечту — попасть на фронт — лишь в 1944 году. А до этого она ухаживала за ранеными в госпитале, дежурила по ночам в команде противопожарной обороны, затем поступила в школу радистов и, наконец, стала радисткой особого назначения. «Пройдет время,— сказал в первый же день занятий техник-лейтенант Величко,— и, окончив школу, вы разъедетесь в разные стороны... Вы можете работать на кораблях, на самолетах, в штабах армий и фронтов, в партизанских отрядах». Асе выпало на долю последнее. Она с честью выполнила задание командования. И вернулась домой с победой.

Александра Ивановна Анисимова награждена за боевые заслуги орденом Красной Звезды, польским орденом «Партизанский крест», советскими и польскими медалями. В ее книге живет память о незабываемых грозных годах...

А. ЛАРИН

Александра Анисимова. На короткой волне. М., Воениздат, 1973, 190 стр.

ФРОНТОВЫЕ НАПЕВЫ

Вышла книга большой документальной ценности — «По следам окопных песен», итог шестнадцатилетнего труда композитора Владимира Дементьева, собравшего полторы тысячи мелодий и текстов песен военных лет.

В предисловии к ней Герой Советского Союза писатель Владимир Карпов отмечает: «Тот, кто был на фронте, попробуйте вспомнить свои окопные задушевные песни, те, что грели лучше печки, костра или фронтовых ста грамм. Сколько вы их вспомнили — одну, две? Ну, а когда нас не будет, кто напоет эти бесхитростные песенки нашим детям и внукам?.. Вот тут-то особенно наглядно видна и ценность, и полезность, и, я бы даже сказал, уникальность работы, которую проделал композитор и журналист Владимир Дементьев».

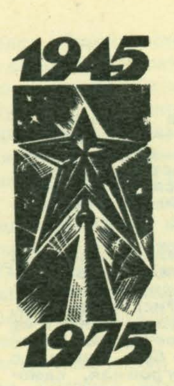
Многолетняя переписка с бывшими фронтовиками, выступления в печати, по радио и телевидению приобщили к поиску В. Дементьева сотни добровольных помощников. Вот один пример: в апреле 1969 года поисковая телепередача из Ташкента транслируется Центральным телевидением, а вскоре с Украины приходит письмо от ученика 5-го класса 44-й харьковской школы Гриши Шупляка: «У нас в школе работает учителем пения бывший краснофлотец, автор разыскиваемой вами песни В. П. Никитенко». И вот уже Владимир Дементьев по междугородному телефону записывает на магнитофонную ленту всенародно известную мелодию «Огонька» в исполнении автора. Оставалось найти последнее, главное звено — изданные в годы войны ноты с фамилией композитора. Звонок в Ленинград, и в поиск охотно включаются работники УВД Ленгорисполкома. Они-то и нашли архивный экземпляр нот, документально подтверждающий авторство фронтового композитора.

И как часто судьбы песен переплетаются с судьбами героев... Записана «Песня о батальоне Быкова», созданная воинами в честь комбата, об отваге которого ходили легенды. Однополчане считали его погибшим в бою под Малоархангельском в 1943 году. И вот воскресшая фронтовая песня «воскрешает» для боевых друзей самого героя! На зов прозвучавшей по Центральному телевидению песни пришло письмо Н. С. Шигориной из Севастополя: «Не тот ли это Быков, Владимир Сергеевич, врач из Киева, у которого я лечилась два года назад? Он такой скромный и отзывчивый человек! В том, что он фронтовик, я не сомневаюсь: у него на лбу огромный, «дышащий» шрам. Наверное, осколочное ранение...» Да, оказалось, это он!

Большой труд собирателя-энтузиаста удостоен премии Ленинского комсомола Узбекистана.

Вяч. КОСТЫРЯ

В. Дементьев. По следам окопных песен. Ташкент, изд-во газеты «Фрунзевец», 1973, 252 стр.

СОЛДАТЫ СТАРОЙ ГВАРДИИ

Константин Федорович Телегин.

Недавно Президиум Верховного Совета СССР отметил высокой наградой 75-летие генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина: Константину Федоровичу вручен орден Октябрьской Революции.

Можно без преувеличения сказать, что в биографии Телегина отразилась история Советской Армии.

Молодая Советская власть с первых дней главнейшей своей задачей — вместе с заботой о мире и хлебе для трудящихся — поставила оборону от врагов, внутренних и внешних. Бойцы самой твердой закалки несли эту трудную службу, и среди них был Константин Федорович Телегин.

Родившись в семье крестьянина села Татарки (нынешний город Татарск, Новосибирской области), Константин Телегин до мая 1918 года успел немного: проучился три неполных класса в сельской школе, а с тринадцати лет пошел работать. Май восемнадцатого застал его в Омске, и там вступил парень в Омскую Красную гвардию и уже 25-го числа принял участие в бою с белочехами под станцией Марьяновка. Потом было долгое отступление под натиском превосходящих сил противника, а после сдачи Перми оставшиеся в живых омские красногвардейцы были выведены в Вятку и влиты во вновь формируемую 51-ю стрелковую дивизию, которой командовал прославленный уже тогда полководец Василий Константинович Блюхер.

Тюмень, Тобольск, Омск, Ново-Николаевск — вот боевой марш блюхеровцев, проделанный в сражениях против Колчака. А в июле 1920 года дивизия перебрасывается на Южный фронт — против барона Врангеля. Героическая оборона Каховского плацдарма и штурм Перекопа навсегда вписаны 51-й дивизией в славную историю Красной Армии. Телегин прошел этот этап в должности заместителя военкома и военкома полка. Какие большие дела были по плечу революционной молодости — полковой комиссар в двадцать лет!

С концом гражданской войны не кончились для Телегина боевые будни: надо было еще добивать бандитские шайки, а когда в 1922 году создавались пограничные батальоны, он стал комиссаром одного из них.

Москву Константин Федорович увидел впервые в 1926 году: его перевели в дивизию Особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского. И только тут появилась возможность подумать об учебе. Легко себе представить, каково давалась наука человеку, прямо скажем, не отягощенному грамотой, но Телегин сумел закончить Военно-политическую академию по первому разряду. В 1931 году он вернулся на службу в пограничные войска, был начальником политотдела Казахстанского и Дальневосточного пограничных округов, принимал участие в боях у озера Хасан, в освободительном походе в западные области Белоруссии, в войне с белофиннами.

Великую Отечественную он начал в должности члена Военного совета Московского военного округа, а когда битва под Москвой завершилась разгромом фашистских орд, ЦК партии и Государственный комитет обороны назначили Телегина первым членом Военного совета Донского фронта, который позже был переименован в Центральный. Командовал фронтом один из выдающихся советских военачальников — Константин Константинович Рокоссовский.

После жестокой битвы на Курской дуге, закончившейся решительным поражением гитлеровских войск, фронт, получив соответственно своим новым задачам название Белорусского, двинулся вперед, на освобождение родной земли.

Когда командующим 1-м Белорусским фронтом был назначен маршал Георгий Константинович Жуков, с ним, как до этого с Рокоссовским, плечом к плечу шел на запад член Военного совета Телегин. Они завершили этот победный путь в Берлине. И, как признается не очень словоохотливый Константин Федорович, он был счастлив тем, что участвовал в организации процедуры подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и присутствовал при этом историческом событии.

В 1957 году генерал-лейтенант Телегин ушел в отставку — тяжелые годы службы сказались на здоровье: туберкулез легких, инсульт... Но солдат старой гвардии не вышел из строя. Коммунист с февраля 1919 года, кавалер трех орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени и многих других боевых наград, советских и иностранных, не может сидеть без дела. Он написал замечательную своей суровой правдой книгу «Не отдали Москвы!», опубликовал множество статей и очерков в журналах и газетах, несчетное количество раз выступал по радио и телевидению.

Он и сейчас весь в работе. Ему хочется передать молодежи то, чем обогатил его бесценный опыт жизни и борьбы.

К. Ф. Телегин предоставил «Огоньку» несколько фотографий из своего архива.

О. ШМЕЛЕВ

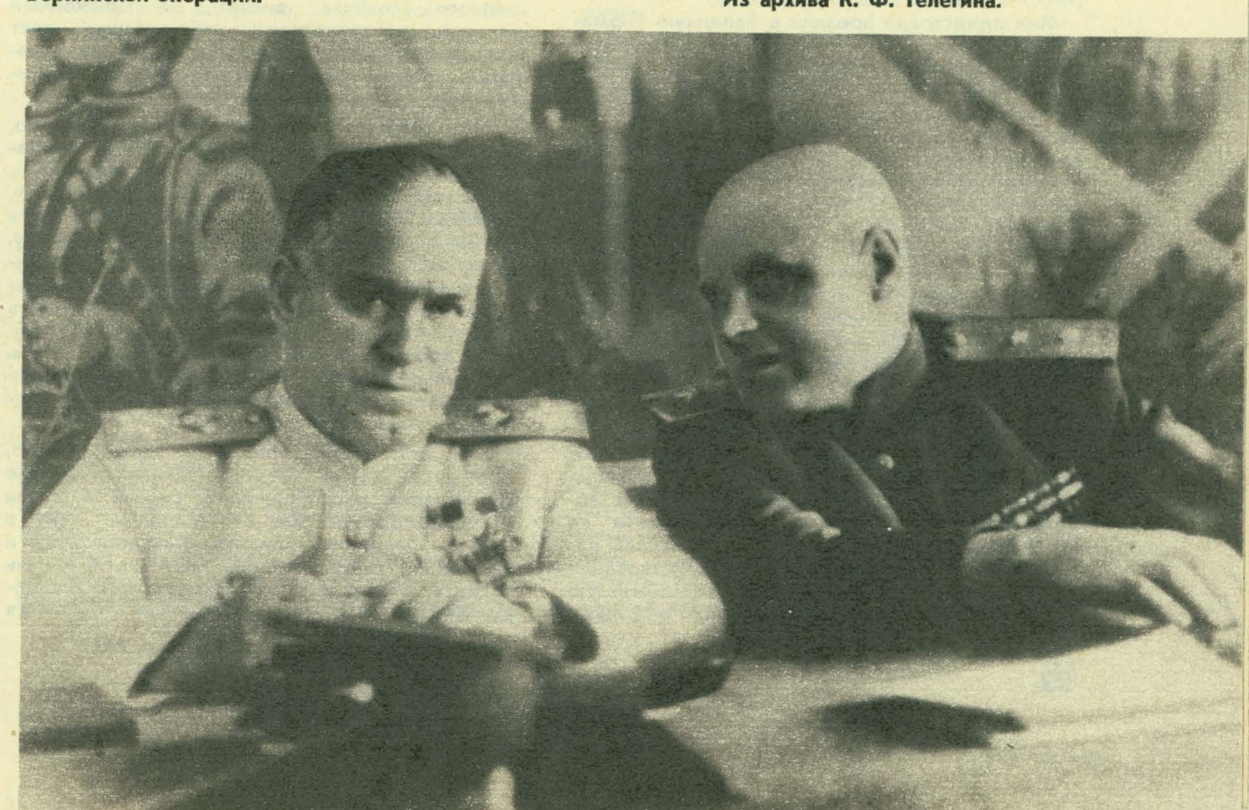
Рейхстаг, 3 мая 1945 года. Третий справа — Г. К. Жуков, крайний справа — К. Ф. Телегин, второй справа — генерал-полковник Н. Э. Берзарин, третий слева — генерал-лейтенант Ф. Е. Боков. Объяснения дает Артур Пик.

На последней охоте с К. К. Рокоссовским.

Берлин, май 1945 года. Г. К. Жуков и К. Ф. Телегин на научной конференции по итогам Берлинской операции.

Из архива К. Ф. Телегина.

Аркадий САХНИН

«НАДО ВЕДЬ

Вскоре после войны мне попались два уникальных документа. Первый — ученическая тетрадка в косую линейку, куда в 1921 году совсем еще мальчишка — сельский счетовод заносил необходимые ему данные. Записывал фамилии организаторов Советской власти, видимо, для того, чтобы потом случайно не забыли о них. Против каждой фамилии имелись различные пометки: «секретарь сельсовета», «коммунист», «горлопан», «сначала пороть, потом повесить»... Последнее заключение автора и еще несколько подобных особенно настораживали и поражали. Не только садизмом, с каким он намеревался лишать жизни людей. Была в них приказная категоричность, несвойственная скромному положению юного счетовода. Будто привык уже отдавать приказы и самолично решать судьбы, чинить расправы. Должно быть, просто безрассудное мальчишеское ухарство, не имевшее под собой почвы.

Второй документ начисто опровергал подобное предположение. Это толстая, большого формата бухгалтерская книга, содержавшая сотни фамилий ответственных работников, включая секретарей обкома партии. Ее вел тот же автор. Когда он начал, можно определить лишь приблизительно — где-то в начале двадцатых годов. Закончил в августе 1941 года, будучи главным бухгалтером «Укркоопспилки» в Херсоне.

Судя по всему, человек терпеливый, настойчивый, аккуратный и, возможно, на первой книге не остановился бы, но помешали гитлеровцы, захватившие город. Плоды своих трудов он преподнес им. В марте 1944 года, когда Херсон освободили, в гитлеровской комендатуре среди других документов обнаружили и эту книгу, а в ней ученическую тетрадку в косую линейку. Пленный немецкий комендант назвал автора — Владимир Муштаков. Сказал, что в знак благодарности ему было без дополнительной проверки присвоено какое-то небольшое звание, выданы немецкая форма и оружие. А где он находится, пленный офицер не знал. Возможно, не хотел выдавать. Найти Муштакова не удалось.

Полистав его труды, я кое-что на всякий случай выписал в свой блокнот. Недавно, работая над архивными материалами периода войны, я вновь наткнулся на эту фамилию. Удалось выяснить, что Муштаков был карателем, сейчас живет во Франкфурте-на-Майне и является завсегдатаем ночного бара «Флорида» в районе главного вокзала.

Мне предстояла поездка в Западную Германию, и я решил попытаться заодно найти Муштакова. Карателей я видел не раз и не стал бы его искать. Но мне хотелось понять психологию человека, который чуть ли не четверть века, тихонечко сидя в бухгалтерии и терпеливо дожидаясь гибели Советской власти, старательно, каллиграфическим почерком выводил буковки, складывая их в фамилии, помечая, кого надо повесить, а кого сначала пороть, а потом уже повесить. Он представлялся мне исполнительным счетным работником, этот сельский счетовод, дослужившийся до главного бухгалтера крупного учреждения в областном центре. Исполнительным и жестоким. Тогда я еще не знал всей меры его жестокости, не предполагал, что за оружие брался далеко не в первый раз, когда получил его из рук гитлеровцев. У него и свое оружие было.

Оказалось, Муштаков жил в тридцати километрах от Франкфурта-на-Майне в маленьком городке Бад-Хомбурге, где раньше была диверсионная школа. Успешно закончивших ее засылали в Советский Союз или сначала направляли для дальнейшего совершенствования и повышения квалификации в американскую диверсионную школу, находившуюся под Мюнхеном в местечке Висзее. Здесь учебный процесс был поставлен лучше и вся подготовка велась на более высоком уровне. Особое внимание уделялось практическим занятиям, поскольку основы теории учащиеся получали в Бад-Хомбургской школе, где и преподавал Муштаков. Он вел дисциплину под названием «Конспирация».

Бывшие учащиеся диверсионной школы, по крайней мере те из них, с кем я разговаривал, и у нас и в других странах, характеризуя его по-разному, в главном были единодушны: ни один из педагогов не вкладывал в свое дело столько сил и энергии, не обладал таким опытом, как Муштаков, и так не переживал за то, чтобы они успешно справились с заданиями, которые получат по окончании школы.

Если все преподаватели рассматривали работу лишь как возможность получать приличные заработки, то для Муштакова она составляла существо жизни, ибо не было человека, столь патологически ненавидевшего Советскую власть и русский народ, которого иначе, как чернью, не называл.

Особенно строго Муштаков проверял, насколько органически, творчески люди усваивали разработанное им пособие, содержавшее шестьдесят законов конспиратора. Один экземпляр показал мне, а потом отдал «насовсем» Владимир Трусов. После окончания школы он проходил практику в Италии, специализируясь на антисоветских провокациях во время международных спортивных соревнований и других встреч представителей различных стран. О нем тоже придется рассказать, ибо в конце концов именно он помог мне найти Муштакова и присутствовал почти на всех наших беседах.

Из всего, что мне рассказали о Муштакове до встречи с ним, озадачивало одно. Известно, что ненависть к Советской власти и народу питают его классовые, идейные враги. В частности, те из эмигрантов, кто потерял во время революции свои богатства и власть. Известны и просто предатели, по умственной ли ограниченности, стремлению к легкой наживе, славе или созданному для них безвыходному положению продавшиеся за валюту. Наконец, неудачники или легковерные, обманутые и не нашедшие в себе мужества вернуться к честной жизни. Те, кто не терял ни богатств, ни власти, отнюдь не идейные борцы. Заплати им побольше — перейдут в любой другой лагерь. Но сельский счетовод, выросший до солидного главбуха, значит, не обиженный жизнью, десятилетиями наблюдавший рост страны хотя бы по своим бухгалтерским отчетам,— откуда у него такая устойчивая, звериная ненависть с самых ранних лет?

Эта мысль усиливала желание разыскать его. Однако ни в одном справочнике Франкфурта-на-Майне фамилии Муштакова не значилось. Оставалась последняя, довольно сомнительная, надежда — «Флорида». Было досадно. А я вдобавок допустил непростительную ошибку. В любом автомате висит или лежит прикованная цепочкой телефонная книга. Минутное дело найти по ней «Флориду». Я же стал искать этот бар в привокзальном районе. Единственное объяснение, которое могу дать столь странному просчету,— подсознательное желание побродить по незнакомому городу, побольше увидеть.

И в самом деле, увидел я здесь немало. Огромное здание главного вокзала и другие сооружения, расположенные справа и слева от него, образуют как бы сплошную стену, в которую упирается проспект Кайзерштрассе и множество улиц и улочек. Хаотически, вкривь и вкось они стекаются к вокзальной площади. Днем этот район едва ли чем отличается от других, нецентральных районов города. Но его подлинное лицо раскрывается ночью.

Именно здесь сосредоточено множество ночных баров, кабаков, притонов. Район широко разветвленной сети обслуживания платной любви. Специально приспособленные для этого отели — от дорогих, фешенебельных до скромных «штунденотелей», что означает «отель на час», до меблированных комнат в старых домах, пахнущих плесенью. Толпы профессиональных женщин заполняют тротуары, подъезды, входы в увеселительные заведения. Они заранее абонируют места в гостиницах, сидят за рулем подчас шикарных автомобилей, медленно движущихся близ тротуаров, где дефилируют их менее состоятельные конкурентки, но, как и те, опытным глазом столь же точно определяют, кто именно может откликнуться на их молчаливый и выразительный зов. Обменяются взглядом или едва уловимым жестом сидящая за рулем и человек на тротуаре, тут же замигает сигнал поворота вправо, машина прижмется к бровке. Человек садится рядом с водительницей, разговаривают минуты две-три, и машина срывается с места.

Они поедут ужинать в другой район, остановятся у солидного ресторана, где никому и в голову не придет усомниться в их принадлежности к приличному обществу. Они будут пить дорогое вино, танцевать, не замечая, как смотрят посетители на эту милую и скромную молоденькую женщину, должно быть, влюбленную в своего спутника. Впрочем, не глядя по сторонам, она все же уловит, казалось бы, спокойный взгляд опытного прожигателя жизни, с толстым бумажником в кармане, поймет значение взгляда и найдет миг незаметно для своего спутника ответить. Потом, похлопав ладошкой по его руке, улыбнувшись, уже действительно ни на кого больше не глядя, выйдет в холл — мало ли зачем женщине надо выйти,— зная, что пусть не сразу, но обязательно появится тот, кто звал ее глазами. Она будет стоять у зеркала, поправляя прическу или ресницы, а он медленно пройдет мимо, почти не задерживаясь у зеркала, где увидит ее лицо, но успеет спросить: «Где и когда?»,— и почти одновременно она ответит что-либо вроде: «Здесь завтра в десять». Теперь о следующей ночи можно не думать, и она вернется в зал еще более милой и застенчивой, чтобы сегодня увезти спутника к себе домой.

Бывает и по-другому. Поговорят в машине у бровки в том веселом привокзальном районе, и через те же две-три минуты человек выйдет. То ли водительница не подошла, то ли цена, хотя садятся в машину только люди с большими деньгами. А женщина за рулем в знак презрения стукнет ногой по педали, не включив скорость, с грохотом вырвется струя из выхлопной трубы, обдав газом ушедшего, и снова, замигав световым сигналом, теперь уже влево, медленно тронется с места, вглядываясь в прохожих.

Этот веселый район, где реклама сверкает не только цветами радуги, но, кажется, всеми мыслимыми ее оттенками и сочетаниями, не так уж безобиден. Среди уличного шума, смеха, говора раздастся вдруг отчаянный крик женщины и оборвется, будто зажали рот. Со свистом и гиканьем, едва не сшибая людей, пронесется ватага пьяных буршей, догоняя тех, с кем хотят расправиться. В хорошо освещенном месте верзила-сутенер неторопливо бьет кого-то, разъясняя таким методом, что тот недоплатил его подопечной. И что бы ни происходило, никто из любующихся зрелищем не вмешается, если не считать восторженно-одобрительных возгласов или советов, в какое именно место бить.

Полицейского здесь не увидишь, хотя время от времени пронзительно завоет сирена ма-

КАК-ТО ЖИТЬ...»

шины с цветной мигалкой на крыше, спешащая туда, где ночные схватки масштабнее.

В этом районе в полной мере учтены и изучены потребности определенной категории людей — любителей ночной жизни в зависимости от их материального благосостояния. Здесь заботятся о каждом. Много денег — к твоим услугам самое фешенебельное и красивое. Но не забывают и о тех, у кого стучат в кармане лишь металлические монеты. Их тоже можно вытрясти.

В лабиринтах этого района, на углу сверкающей Таунусштрассе — печально известном его центре и тускло освещенной Эльбештрассе в доме № 34, я и нашел «Флориду». Ночные бары, как и другие питейные заведения, разделены на ранги. «Флорида» — из самых низкопробных. По-русски говоря, просто кабак. Скромная зеленая вывеска, хотя и большая, висит над дверью, будто срезавшей угол дома. У самой двери — стойка бармена, бывшего одессита Сашки Беллера, как зовут его завсегдатаи, застрявшего в этих краях после войны. Ему под шестьдесят, он грузен, но орудует за своей стойкой довольно ловко. Владелец бара — Борис Расков. Этот из Кишинева. Значительно моложе Сашки, поумнее, похитрее и более опытен в методологии добычи денег. Расков тоже здесь с послевоенных лет, сумел получить десять тысяч марок как пострадавший от гитлеризма, десять тысяч получила его жена, тоже как пострадавшая, и тридцать тысяч ему выдал банк в долгосрочный кредит для основания собственного дела.

Я не раз беседовал с Расковым, и он все объяснял мне, как они страдали. Я не понял. Некоторую ясность внес в это дело Сашка Беллер, когда я познакомился с ним поближе. Не в то, как они страдали, а как под это получают деньги.

Став обладателем пятидесяти тысяч, Расков все рассудил правильно: начать мелкую торговлю с такими деньгами, конечно, можно. Но потом жди десятилетия, пока разбогатеешь. Это при хороших делах. А могут и задушить фирмы покрупнее, тогда конец всему. Новых десять тысяч не получишь, а без них и за кредитом не сунешься. Из множества вариантов он выбрал самый надежный: снять в аренду помещение и открыть дешевый ночной бар без всяких музыкантов и финтифлюшек.

Дешевый — понятие относительное. В солидных ночных заведениях в зависимости от рангов спиртное стоит в пять — десять раз дороже, чем в дневных. Расков не хотел в пять— десять. Ему достаточно втрое дороже. А это означало, что всю ночь до шести утра в его двух залах свободных мест не будет. В своих расчетах он оказался даже тоньше, чем его друг Юрек Помеканев, который тоже далеко не простак. Помеканев открыл ночной бар «Калинка», увешал его тяжелыми бархатными портьерами, обставил в русском стиле, нанял оркестр, состоявший вместе с солистами из трех человек, исполнявший русские романсы и песни. Был убежден, что сюда на русскую кухню и экзотику пойдут многие, но уж кто-кто, а все русские, живущие в этом городе, будут его клиентами. Но экзотика оказалась сомнительной, нафталинной, и немцы ее не признали. И русские не признали. Там хотелось плакать, а главное, дороговато. Нет денег. И потянулись в кабак под этим иностранным словом «Флорида», который и стал их постоянным местом сборищ.

Особых заработков они Раскову не приносили, да он и не рассчитывал на них. В основном голытьба. Главным в его расчетах были два фактора. Во-первых, большинство питейных заведений закрывалось после трех-четырех ночи, и все, кто недопил, шли к нему, где можно пить или подбирать себе спутницу до шести утра. И, во-вторых, дешевизна. На дешевизне он выгадывал немало. Скажем, пиво закупал на заводе по оптовой цене, составлявшей менее тридцати процентов дневной розничной стоимости. А продавал втрое дороже. Вкруговую получал шесть-семь марок на каждую, вложенную в дело. А с учетом пивной пены и многого прочего — все десять. Но даже при таких выгодных условиях собственный дом сумел построить только через пять лет. Дом не для себя, конечно. Его квартира в другом месте. А собственный — для сдачи людям.

Со стройкой этого дома Расков тоже все хорошо продумал. Цены на квартиры в Западной Германии очень высокие, особенно в таком городе, как Франкфурт-на-Майне. Это огромный, красивый город, расположенный на обоих берегах Майна, близ впадения его в Рейн. Крупнейший узел железнодорожных, автомобильных, авиационных сообщений с мощным речным портом. Один из важнейших промышленных торгово-финансовых, культурных и научных центров. Когда решался вопрос о столице Западной Германии, казалось, иного выбора не могло быть: только Франкфурт-на-Майне, с его широкими проспектами, множеством отелей, вместительными залами для многолюдных собраний и съездов.

Однако Аденауэр предложил избрать столицей Бонн. Спятил, что ли, человек? Крошечный городок, скорее местечко, которое на машине пересечешь из края в край за десять минут. Единственная железнодорожная станция, скорее полустанок, где не разъехаться и трем поездам. С трудом можно найти однодва здания для иностранных посольств. Даже приличного помещения, где могло бы разместиться правительство, и то не сыщешь.

Нет, не спятил. Ему важно было продемонстрировать, что он не признает послевоенных границ, что существующее положение — лишь на короткий срок, и не собирается правительство устраиваться капитально. Оно сидит на чемоданах на первом попавшемся разъезде, и, как только будет взят реванш, займет подобающее ему место. Даже в то время, когда в правительственных кругах верх брали реакционные силы, предложение Аденауэра многим казалось несуразным. Тем не менее оно прошло.

Сегодня Бонн не узнать, есть и у правительства новое здание. Но Франкфурт-на-Майне своего значения одного из крупнейших центров не утратил. И квартиры здесь очень дороги. Строят добротно, на десятилетия. Значит, сразу после стройки большие доходы. Конечно, без кредита он не смог бы построить дом, но что такое кредит? Он ведь довольно быстро погашается. При открытии бара Расков получил из банка тридцать тысяч. А вот что они для него означали.

Я видел его дом. По объему примерно такой же, как мой кооперативный дом в Москве. Те же девять этажей, такой же приблизительно длины и ширины. В моем доме сто четыре квартиры. У Раскова, думаю, не меньше. Для ровного счета, скажем, сто. В среднем за каждую он получает четыреста марок, а всего, значит, сорок тысяч в месяц. Это если считать один дом. А он вскоре построил точно такой же в курортном городке Висбадене. Правда, задолго до этого, даже до первой стройки, открыл в Висбадене еще один дешевый ночной бар. Практически два бара и помогли ему строиться. И, конечно же, кредиты. Но тут тоже заслуга самого Раскова. Сашка Беллер кредитов не получит. Под зарплату кредитов не дают.

К утру Сашка бывает совсем хорош и тогда жалуется на судьбу и на Раскова. Он имел больше прав на десять тысяч, чем этот Расков, но не сообразил, что можно расписаться за десять, а получить меньше. И жену мог бы подобрать такую, чтобы тоже получила, какая разница, на ком ты официально женат. Можно подумать, будто Раскову это не все равно. А если уже есть немного денег, то и кредит дадут. Конечно, не полную сумму, а по-умному надо, чтобы и кредитор в банке не был обижен. Тогда и срок побольше можно выпросить.

Двусмысленно, чего-то недоговаривая, будто сам с собой, рассуждал Сашка и об умении Раскова платить налоги.

Сашка не любит Раскова. Не любит за крохоборство. Платит мало, а все, что перепадает от людей, берет себе.

Как же «себе», если за пену сам Сашка получает?

Сашка, подмигнув, улыбнулся и вдруг задумался. Ничего больше не стал говорить об этом. Мне потом другие рассказали. Владельцы многих питейных заведений кое-что получают с барменов. Накидывают какой-то процент на сумму фактической стоимости проданного. Хозяева знают: бармены — люди квалифицированные, и пусть как угодно вертится покупатель, свои десять пфеннигов с бокала пива они получат. А торгуют не только пивом. Секреты бармена — целая наука. Наука о том, как получить лишнее. Все секреты знает и Расков. И, видимо, берет такой процент, который Сашке кажется несправедливым. Должен же он хоть немного накопить на старость. А вот не получается.

Тем не менее Сашка всегда весел. Таким я и увидел его часов в шесть вечера, когда впервые пришел во «Флориду». Вход с улицы прямо в зал, даже второй двери нет. Ни зазывал, ни занавешенных портьер, ничего, что в других ночных барах несет функции «таинственно манящего». Зал метров двадцати. Слева — стойка Сашки, справа у стены — четыре столика и еще четыре по обе стороны двери во второй зал. Позади Сашки в нише на электрическом противне жарились сосиски, похожие на охотничьи, только потолще. Рядом кастрюля, в которой сосиски варились. А остальное, как в обычных барах, — бутылки, сигареты, два пивных крана, но перед стойкой не было высоких традиционных сидений. Они закрыли бы проход. Во втором зале — метров двадцать пять — тридцать. И так же тесно наставлены столики. Стены расписаны комбинированно, что ли: местами изображения барельефные. Описывать их не стану: неприлично.

В разных местах зала сидели шесть посетителей. Возле бармена никого не было. Я взял бокал пива, спросил, не говорит ли здесь кто-нибудь по-русски.

— А я вас не устраиваю? — спросил, в свою очередь, Сашка.— Вам ведь нужен Расков, я же вижу, так и скажите. Вы привезли ему привет из Кишинева от родственников его жены. Можно подумать, будто она там давно была. Раньше ездила к ним раз в год, а в этом году уже два раза успела.

Не потребовалось и нескольких минут, чтобы понять: Сашка из тех людей, которым помолчать немного просто невыносимо. Если бы и хотел, я не смог бы пробиться ни с одним вопросом. Видимо, он намучился от молчания, пока поблизости никого не было. А теперь его словно прорвало. Рассказывал окончания каких-то историй, не заботясь о том, знаю ли я их начала, указывал на ошибки президентов, сам себя перебивал, перескакивая с одной темы на другую. Ему не мешали редкие посетители, которым он автоматически, не прерывая речи, наливал пиво или бросал на картонную тарелочку сосиску, шлепнув сверху ложку горчицы. В его речи негде было поставить точку.

Слова и фразы сливались в один непрерывный поток, и я не мог уловить, когда он вдыхает воздух.

Больше всего говорил о своем заведении, и значительную часть сведений, приведенных выше о «Флориде», ее владельце, завсегдатаях, я узнал в тот первый приход. Он называл уйму имен и фамилий так, будто по меньшей мере это мои старые знакомые. Я с нетерпением ждал только одной. Но о Муштакове он ничего не сказал. Задавать же такому болтливому бармену хотя бы наводящие вопросы об интересующем меня человеке не решился.

Ну что ж, Расков так Расков. Где Расков? «После часа или двух ночи приходите. Будет Расков, будут и другие. Говорите себе на здоровье по-русски».

Я пришел в половине второго. Стойка Сашки ярко освещалась. И у столиков было светло. За ними тесно сидели посетители. Заходя и выходя, толпились люди. Второй зал тихо и монотонно гудел от говора. Гул не мешал тоже тихой, расслабляющей музыке, идущей, казалось, сверху. И без того тусклые, затемненные еще разноцветной пленкой лампочки, направленные на стенную роспись, не освещали людей. Их силуэты только угадывались. Огоньки сигарет, будто большие светлячки, вспыхнут, метнутся в сторону и исчезнут.

Когда глаза привыкли к полумраку, отчетливее стали клубы дыма. Дым никуда не уходил. Он только двигался. Облачка его вытягивались и длинными, извивающимися полосами и нитями растекались, меняя цвет, в зависимости от того, в зоне каких лампочек оказывались. Дым двигался, шевелился, словно нащупывая что-то, временами повисая на месте или рванувшись вдруг в сторону.

Не меньше половины посетителей составляли женщины. То одна, то другая поднимались, напоминая о себе, не торопясь, выходили и снова возвращались.

Я пошел к Сашке, спросил Раскова.

— Он в своем кабинете.— И кивнул на дверь за стойкой.

Принять меня в своем кабинете Расков не мог. Кабинета не было. Его маленький столик едва умещался в каком-то закутке, похожем на кладовку, рядом с крохотной кухонькой. Впрочем, кухня здесь и не нужна. Сюда не приходят есть. Здесь пьют и торгуются, совершают сделки не самой стерильной чистоты, приходят, чтобы подобрать подходящего для грязных дел исполнителя из числа эмигрантских отходов. Сейчас здесь собираются главным образом те, кто исчерпал возможности продавать Родину, и выброшенные различными разведками. Это самое дно.

Борис Расков вышел ко мне. Коренастый, мускулистый, среднего или чуть ниже среднего роста, с густой, в редкую проседь шевелюрой. Круглое, обмякшее, невыразительное лицо и живые, сверлящие глаза. Кажется, такого сочетания не может быть, ибо выразительность лица, пожалуй, прежде всего определяется глазами. Но вот Расков, значит, исключение.

Сказал ему: хочу поговорить. Он молча ждал. Я тоже молчал. Тогда он пригласил все же в свою кладовку. Предложил единственный стул, сам сел на краешек стола.

Я представился. Показал свою книгу, на обложке которой была моя фотография. Он сверил ее глазами со мной, как это делает дежурный на проходной. Только так и выдал свое удивление. Лицо и глаза не изменились. Я рассказал, что недавно познакомился с весьма уважаемой русской женщиной лет семидесяти — заведующей кафедрой русского языка и литературы Гамбургского университета, о своем знакомстве с видным инженером Петром Лавровым, вывезенным во Францию еще мальчиком до революции. Назвал другие имена русских людей за границей, которые с гордостью говорят о своей Родине. Объяснил, что знакомился с ними, готовя материалы для книги. Однако в тех же целях мне надо знать эмигрантов самых различных слоев. И не познакомит ли он меня с постоянными посетителями его бара.

Я не мог прямо сказать, что хочу найти Муштакова, и показать какую-то особую заинтересованность во встрече с ним, ибо даже отдаленно не представлял, как сложится разговор, и вообще получится ли он, если просто нас познакомят. Да и откровенно говоря, коль скоро уж пришел сюда, хотелось посмотреть и на других, ему подобных.

Расков молча изучал меня. Потом, задумавшись, полистал книгу, еще раз посмотрел на фотографию, прищурившись, спросил:

— А вы не боитесь какого-нибудь скандала, неприятностей?

— Поэтому и обратился к вам.

— При чем же здесь я?

— Объясню. Вы коммерсант, скандал вам ни к чему. Скандал с политическим оттенком и вовсе не нужен. Если он произойдет и коснется людей, с которыми меня познакомите вы, значит, попади это в печать, вас могут рассматривать как их единомышленника и сторонника, то есть как человека антисоветского. Надеюсь, это не так. Да и становиться с ними на один уровень вам невыгодно: это может помешать коммерции. Невыгоден вам скандал и с другой стороны. Ваша жена, как сказал мне Беллер, регулярно навещает своих родственников в Советском Союзе. Будто и вы собираетесь погостить у них, как только позволят дела. И вроде неловко получится, если до этого здесь что-нибудь произойдет.

— Все это так, но вы говорите обо мне, а знакомиться хотите с ними.

— В этом главное. Потому и прошу взвесить, не ошибается ли Беллер. Из его разговоров я понял, что вы на них не только не зарабатываете, но иногда даже теряете. Если они перестанут сюда ходить, никакого убытка вы не понесете. А от вас они зависят в полной мере. Здесь у них вроде биржи труда. Если кому-либо понадобятся, за ними придут сюда. Кроме того, вы сами даете им заработать. То пошлете за товарами, то другие поручения дадите, и пусть на небольшую сумму, но разрешаете и выпить в кредит. А погашать трудно, и едва ли не каждый из них вам должен...

Расков прервал меня. Как-то доверительно, чуть ли не дружески сказал:

— Знаете, у Сашки золотые руки, он честный человек. И если бы ему еще отрезать язык, цены бы ему не было. Представляю, что он вам наговорил.

— Так вот, тем более если это человек честный, то из того, что он «наговорил», следует вывод. Никто из них не посмеет ослушаться, если вы обратитесь к ним с просьбой, подчеркнув ее категоричность.

Расков задумался, снова полистал книгу, не глядя в нее. Я предложил сигарету.

— Спасибо, не курю... Вот что. Я вам все устрою, только при одном условии: если вы не будете их дразнить.

— Не понял.

— Ну, не будете упрекать, сводить счеты, заводить разговоры о политике. Никто из них никакой не политик. Они оказались неспособными в коммерции и в других делах, выхода у них не было, людям надо ведь как-то жить. А в энтээсе им сразу много платили, они вам расскажут. Только даром денег никто не платит. Чтобы там работать, надо тоже быть коммерсантом. Все время должна болеть голова, все время надо что-то придумывать. Ну, раз придумали, два, а что еще, если уже и без них давно все придумано?

А Сашка вам не наврал, я могу их в любую минуту выгнать. Мне что! Все время приходят новые. И еще придут, даже те, кому там пока неплохо. Ведь каждый из тех, кто сюда ходит, когда-то думал, что он уже бог. Поэтому и прошу не дразнить, им и так несладко.

Я твердо обещал «не дразнить». Мы вышли. Расков посадил меня за крошечный столик в уголке второго зала и просил минут пятнадцать подождать. По пути крикнул Сашке:

— Пошли кого-нибудь за Володькой, он у Юрека, пусть немедленно явится.

А мне объяснил: человек, который всех знает, и его все знают. Смело можете на него положиться.

— Спасибо, но, как условились, надеюсь только на вас.

— Слово коммерсанта... А случится вам заехать в Кишинев, мои родственники примут вас, как положено у нас в России, я вам дам адрес.

...Я сидел, окутанный дымом. Стойкий запах пивного перегара, маргусалина, на котором жарились сосиски, и дешевой парфюмерии. Все здесь было как и полчаса назад, только более шумно. То и дело доносились русские слова. Раздавались то выкрики, то явно искусственный женский смех. С удивительно точным интервалом, примерно в минуту, пьяный старик, обращаясь к женской фигуре на стене, просил:

— Уходи, сейчас жена придет. Ну, уходи же!

Скажет и клюнет носом. А потом снова поднимет голову, и опять те же слова.

Расков предусмотрительно унес второй стул от моего столика. Но кто-то подсел ко мне со своим стулом, спросив разрешения после того, как грузно плюхнулся на него. С тяжелым от пивных бокалов подносом появилась девочка лет четырнадцати. К моему соседу подошла молоденькая женщина, тоже похожая на девочку, он уступил ей место. Потеснившись к стене, она усадила его рядом. Донеслась русская фраза, заглушенная дружным смехом. Отчетливо услышал лишь: «Но это же свинство, господа». Может быть, Муштаков? Может быть, он среди них?

Расков хорошо их знает. Не выходили из головы его слова: «Все время приходят новые. И еще придут, даже те, кому там пока неплохо... Каждый думал, что он уже бог».

Да, они мечтали о красивой и легкой жизни. Эти мечты кажутся реальностью и тем, кто еще сегодня получает за предательство валюту. Верили в эти мечты тарсисы, анатоли, калики, но их будущее здесь, у стойки Сашки, на побегушках у Раскова.

Что-то пробормотав, мой сосед ушел. Усевшись поудобней, его спутница, достав сигарету, попросила прикурить. К счастью, появился Расков в сопровождении высокого, стройного человека. На нем был тщательно отутюженный, сильно выношенный серый костюм с коротковатыми рукавами. Узел галстука масленисто поблескивал.

— Владимир Трусов,— представил его Расков.— Я ему все объяснил...

— Как я рад, как я рад,— говорил Трусов, прижимая руку к сердцу, очевидно, не рискуя протянуть ее мне.

Исчезла, будто растаяла, моя соседка.

— Что будем пить? Аперитивчик, вино, водку? — весь сияя, говорил Трусов, присаживаясь к столику.

Он перечислял множество людей, с которыми готов меня познакомить. Можно и сейчас подойти к столику, где они сидят, можно любого подозвать к нам. Они увидели Трусова, то и дело оборачивались, пытаясь разглядеть в полумраке, с каким это новичком сидит суетящийся, неумолкающий Володька. Он называл их фамилии, характеризуя каждого, приводя любопытные, на его взгляд, детали биографий.

— Особенно интересно вам будет познакомиться с Муштаковым... Что-то пока не видно его,— говорил он, озираясь.— Смотрите, смотрите,— неожиданно зашептал,— видите, девушка... Которая вошла... Видите, с сигаретой, в ажурных брюках? Это Таня Баранова *... Страшная трагедия...

В тот момент мне неинтересна была история какой-то Тани. Я понял, что встреча с Муштаковым стала реальной, и хотел побольше услышать о нем. Но Трусов, перейдя на шепот, стал рассказывать о Тане.

Впоследствии я беседовал с ней, с ее отцом и некоторыми его друзьями. Трагедия в самом деле страшная.

Однажды она попросила у отца денег для поездки с туристской группой в Советский Союз, на свою Родину, о которой слышала столько противоречивого. Хотела увидеть улицы, кафе, кино, где все говорят только по-русски.

Баранов мог всего ожидать от своей взбалмошной дочери, но только не этого. «Дочь Баранова, бывшего прокурора армии Власова, одного из руководителей радиостанции «Свобода», в СССР? Да ему не простят этого». Он кричал на нее, и его оскорбления вызывали все большее озлобление Тани. Чем сильнее поносил дочь, тем упрямее она стояла на своем. Не находя доводов, кроме десятка раз повторенных, будто ее там растерзают, Баранов в бессилии сказал: «Если бы ты пошла на панель, это было бы для меня меньшим ударом, чем безумие, на которое решилась». С тем же упрямством она повторяла: все равно

* По понятным соображениям, фамилия Тани и некоторых других изменены. Фамилия Муштакова, все адреса и места действий — подлинные.

С. Рерих. ДЕВИКА РАНИ РЕРИХ. 1951.

С. Рерих. МОЯ СТРАНА ПРЕКРАСНА. 1974.

ГИМАЛАИ. 1974.

поедет, если и не даст денег, если даже придется для этого идти на панель.

Слова, сказанные сгоряча и в озлоблении, были слишком далеки от мыслей и тем более поступков Тани. Но Баранов не выдержал. Наотмашь ударил ее по лицу, еще раз, еще, пока она, как звереныш, не бросилась на него, царапаясь и кусаясь. Он оторвал от себя дочь и грохнул об пол.

В больницу отвез ее сам, объяснив, что избили девушку хулиганы. Она была в сознании, слышала его слова.

Спустя месяц, в день выписки из больницы, он приехал за ней в назначенное время. Дежурная сестра сказала, что девушка давно ушла, дожидается его на скамейке в парке.

Таня не дожидалась отца. И домой не вернулась. Уехала во Франкфурт-на-Майне, где они раньше жили, в кредит сняла комнату близ Таунусштрассе, взяла напрокат у хозяйки, тоже в кредит, приличное платье, почти совсем новое, и зарегистрировалась, где положено, как научила опытная хозяйка.

Нельзя сказать, что Таня не понимала, на какой шаг идет. Тем не менее не ощущала его реальности. Должно же что-то произойти. Придут какие-то люди — она ведь зарегистрировалась в полиции нравов,— значит, отец узнает об этом немедленно, все всполошатся, и найдется выход из положения. Скорее всего неосознанно, где-то подспудно, но именно такую форму мести отцу она избрала.

Комнату Таня сняла вместе с трехразовым питанием. Завтракала поздно и уходила на дальние окраины, прячась от людей. Обедать возвращалась часов в шесть. Хозяйка по-своему воспринимала заплаканное лицо девушки — не может найти клиентов. Покормив ее, снова отправляла на улицу. Ни на кого не глядя, Таня уходила подальше от этого проклятого района Таунусштрассе, бродила до глубокой ночи и, обессилев, возвращалась домой.

Начались упреки хозяйки. Она не в состоянии без конца содержать глупую девчонку. Впрочем, готова помочь ей. Уже подобрала подходящего сутенера, чтобы никто не обидел. Ведь хочешь не хочешь, должна девушка ее профессии иметь покровителя, ибо иначе дружная каста сутенеров все равно не даст житья, пока кто-нибудь из них не добьется своего. Он и поможет твердо встать на ноги.

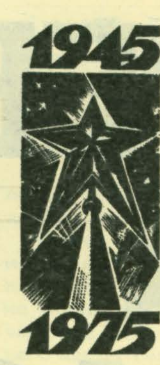
После выхода из больницы, уже сняв комнату, уже пройдя постыдную регистрацию, а еще до этого специальное и не менее постыдное медицинское освидетельствование, без которого не зарегистрируют, она все еще надеялась на приход отца. Больше двадцати дней пряталась от всех. Той страшной сцене с отцом, его поступку искала оправдание: дикая, нервная вспышка, повод для которой дала сама, наконец, просто состояние аффекта. Но сейчас? Он же все знает, ведь полиции нравов известно, что он совсем не рядовой человек на радиостанции «Свобода», и сообщила туда. Она начинала реально осознавать, на какой путь становится, но все еще не могла соотнести это к себе, не представляла себя в новой роли. Как в свое время, не задумываясь, повторила отцу его фразу о панели, не придавая ей никакого значения, так, уже приблизившись к самой грани панели, все еще не могла полностью воспринять случившееся.

Таня ждала, что кончится наконец это наваждение, этот кошмар. Отец не появлялся, не давал о себе знать, а опытные руки подталкивали ее, направляли, сначала осторожно, ласково, а опутав долгами, мертвой хваткой сдавили горло. Только тогда она ощутила весь ужас своего положения. По пятам ходит сутенер, и прятаться на окраинах уже не было возможности. Всем сердцем прокляв отца, она пошла по единственно оставшейся ей дорожке.

Таня прилично зарабатывала. Вполне хватало на оплату комнаты и питания, на ежемесячный налог полиции нравов и участковому полицейскому, на погашение кредита за уже солидный гардероб модной одежды и обуви, за медицинское наблюдение и контроль и содержание сутенера, который и в самом деле в обиду ее не давал, хотя сам подсчитывал, сколько необходимо на обязательные платежи, а остальное, все до пфеннига, отбирал.

Однажды в переулке лицом к лицу она встретилась с отцом.

Продолжение следует

ШЛИ ТАНКИ ПО МИННЫМ ПОЛЯМ

1

2

3

4

Я служил в 166-м Киевском Краснознаменном ордена Суворова отдельном инженерном танковом полку в должности начальника штаба. Вместе с этой замечательной частью прошел от Сталинграда до Берлина. Это был первый в Советской Армии полк танков-тральщиков. Он предназначался для форсирования с ходу минных полей и при прорыве вражеской обороны всегда находился на острие удара.

В боях под Сталинградом, в дни окружения армии Паулюса, полк пробивал дорогу наступающим танкам. Тральщики первыми преодолели минное поле у важнейшей высоты 111,6 и прорвались к станице Червленная. Это стало первым боевым крещением полка, ведомого прославленным танкистом Н. М. Лукиным (фото № 1).

Особенно памятен бой на подступах к Киеву... Полк действовал в составе 3-й гвардейской армии генерала Рыбалко. Наверно, и сейчас помнят недобитые гитлеровцы нашу атаку в ночь на 5 ноября! Танковые корпуса шли вперед с зажженными фарами, с включенными на всю мощь сиренами, ведя сильнейший огонь из пушек и пулеметов. Развернувшись в линию, наш полк шел впереди танковой армии прямо на подготовленную врагом минную полосу. Мощные взрывы сотрясали боевые машины. Фонтаны земли обрушивались на броню, забивая смотровые щели,— так густо были расставлены противотанковые мины. Но, к ужасу гитлеровцев, танки продолжали продвигаться вперед. Ошеломленный враг не выдержал натиска... Танкисты ворвались в Святошино и перерезали дорогу Киев — Житомир.

Что же за чудо-танки шли через минное поле? Обычные «тридцатьчетверки»! Но впереди них двигался прицеп — остроумно устроенный противотанковый трал (фото № 2). Десять крутящихся дисков из вязкой стали вонзали в землю металлические пальцы и подрывали мины. Танк шел, весь окутанный дымом, но мины, взрываясь впереди машины, не причиняли вреда.

Создал это противоминное оружие заместитель командира полка П. М. Мугалев (фото № 3). Сотням танкистов Великой Отечественной войны это изобретение спасло жизнь... А сколько машин было сохранено для боя! Родина по заслугам оценила вклад Мугалева в боевую оснащенность советских танков. Ему присвоено звание Героя Советского Союза и присуждена Государственная премия.

Летом 1944 года полк участвовал в прорыве немецкой обороны под Бобруйском и западнее Ковеля, освобождал польский город Люблин, вел тяжелые бои северо-восточнее Варшавы. У польского села Яблонное пал смертью героя один из лучших офицеров полка, командир танкового взвода старший лейтенант Д. С. Нагуманов (фото № 4). В ожесточенном встречном бою он меткими выстрелами поджег три «пантеры». Но вот вражеский снаряд пробил бензобак. Вспыхнуло пламя. Командир приказал экипажу снять пулемет и покинуть машину. В этот момент показалась четвертая вражеская самоходка. И Нагуманов вновь сел за рычаги и, набирая скорость, повел свою «тридцатьчетверку» на таран...

Раздался взрыв, и обе машины окутались дымом... Так выполняли свой долг перед Родиной советские танкисты. Теперь в городе Стерлитамаке есть улица имени Героя Советского Союза Нагуманова.

Близилась весна 1945 года. Позади остались фронтовые дороги Польши, бои на Одерской переправе... Наступая в полосе 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова, полк таранил вражескую оборону на Зееловских высотах. Здесь каждый метр земли был начинен минами, а огонь фашистской артиллерии был так плотен, что танкисты говорили: «Снаряды летят впритирку»... Кому довелось быть тогда на огненных склонах Зееловских высот, тот помнит, как трудно давался каждый шаг. Но мы прорвались к Берлину! Там был завершен боевой путь моего родного полка.

Пройденные дороги войны, горечь потерь и радость победы забыть невозможно. С волнением буду ждать писем от друзей-однополчан.

Мой адрес: Киев, бульвар Ленина, 27-б, кв. 60. Королев В. С.

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

Алексей ИОНОВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

XXII

Утро застало Русакова в степи. Слева от него из-за косогора выглянуло солнце. Лужицы на черноземной дороге окрасились в вишневый цвет. Беглец с ощущением озноба вспомнил тот рассвет, когда его везли на тряском грузовике на Калиновку для расправы.

Несколько часов назад, выйдя из кладбищенской сторожки и скользя по вязкому чернозему, а потом на пути к станции Чумаково, спотыкаясь на дне балки о камни, падая и причиняя ногам и забинтованной руке нестерпимую боль, Андрей сожалел, что не попросил плотника приютить его хотя бы на чердаке, пока у него мало-мальски затянутся раны. Потом, спустя часа два, приближаясь к шахтерскому поселку, он сиротски косился на приземистые домишки и думал тоскливо, что неплохо бы отлежаться здесь, у шахтеров, тем более что этот артельный народ ни за что не выдаст его оккупантам. Но на железнодорожных путях у шахты он встретил путеобходчика и после разговора с ним отказался от своего намерения.

По шпалам брел человек с фонарем, в рабочем затасканном бушлате и как будто ради баловства постукивал по рельсам молотком на длинной рукояти. Устало привалившись плечом к телефонному столбу с тревожно гудящими проводами, Русаков окликнул путейца и спросил у него дорогу в Грузско-Зоринское. Тот вздрогнул и, неуклюже крутнувшись, кинулся было наутек, но, преодолев страх, остановился и подождал, пока испугавший его человек приблизится. Подойдя, Андрей повторил свой вопрос.

— Иди отсюда, иди,— хмуро сказал путеец, с угрозой выставив перед собой молоток.— Тут сейчас дрезина пойдет с патрулем, сцапают тебя, голубчика, с ходу. И мне достанется на орехи.

— Уйду, уйду,— незлобиво заверил Русаков, из благоразумия держась на почтительном расстоянии.— Ты только скажи, как попасть в Грузско-Зоринское.

— Туда, туда...— оторопело бубнил обходчик, показывая молотком на темную степь.— У нас учера всю мо́лодежь похватали. Должно, погонят в Германию,— припугнул он.

И лишь когда беглец, потеряв надежду получить ясный ответ, перебрался на другую сторону кювета, обходчик, сжалившись или осмелев, крикнул вдогонку:

— Держись левее, по-над столбами. Час ходу.

...И вот теперь, понуро шагая в предутренних сумерках наизволок, по черноземной слякоти, Андрей думал с нетерпеливым ожиданием, что, выйдя на пригорок, он увидит желанное Грузско-Зоринское или какой-либо другой укромный хутор, где ему, возможно, удастся переждать до вечера, отоспаться, подкрепить силы, выведать, каким путем безопаснее добраться до Иловайска.

Идти по размокшей земле было невмочь. Чтобы не поскользнуться и не упасть, все время приходилось напрягать мышцы ног. В дырявых сапогах противно хлюпала вода. Хотелось свернуть с дороги, повалиться в пахучую, росистую траву и уснуть, уснуть...

Он распахнул ватник. Свежий ветер прохватил, подбодрил его.

За увалом гортанно, с тягучим распевом залился петух. Русаков ожидал, что горластому вестнику зари дружно, многоголосо откликнутся и другие дворовые забияки, но задорный вызов остался без ответа.

«Скоро, наверно, и тебя приберут эти куроеды»,— с грустью подумал Андрей, хотя поэзия хуторской жизни с ее петушиным благовестом по утрам, опрятными украинскими хатами, поникшими ивами у реки, отголосками девичьей песни за околицей никогда не бередила его грудь той сладкой болью, какую пробуждает все это в душе потомственного пахаря.

Село открылось перед Русаковым сейчас же, как только он вышел на гребень увала. Под крутым каменистым обрывом вилась речушка с опрокинувшимися в ее тусклой глади ветлами и очеретом. За ее излучиной лежали делянки непаханых огородов с тощими всходами каких-то злаков и буйно поросшие по межам беленой и чертополохом. Ни во дворах, ни на улице, отчетливо видимой с обрыва, не было еще ни души и не дымилась ни одна труба.

«Посижу, подожду,— рассудительно решил Андрей.— Придет же кто-нибудь к реке?!»

Не жалея сапог, он скатился по щебнистым промоинам к берегу, распугал зашлепавших в воду лягушек, продрался в камыши. Сухие стебли звонко постреливали под его сапогами. В предвкушении отдыха он, не торопясь, наломал охапку очерета, выстелил облюбованное место, снял стеганку, сел на нее, разулся и, блаженно раскинув затекшие ноги, притаился подобно охотнику в засидке.

Запустелый противоположный берег дышал нерушимым покоем. Видно, сюда давно не приходили ни лошади, ни коровы, не приезжал с водовозкой домовитый хозяин. Полузаросшая тропинка среди чертополоха напоминала о том, что по ней когда-то степенно, с утиной покачкой проходили с коромыслами на плече хуторские молодайки, с гиком проносились оравы вихрастых мальчишек.

Едва из-за крутояра поднялось солнце, туман над рекой рассеялся, истаял, но хуторские левады по-прежнему были пустынны и безгласны. Лишь время от времени с ветлы на ветлу шумно пересыпались стаи воробьев да разнеженно, томно, с нахальным сладострастием покряхтывали в камышах лягушки.

Упиваясь покоем, уверившись, что до вечера его тут никто не потревожит, Русаков почувствовал вскоре зверский голод и тревожно потрогал карманы со скудным припасом съестного. Если незнакомые дороги и стежки не увели его в сторону от намеченной цели, до линии фронта ему остается добрых пятьдесят—шестьдесят километров, две ночи усилий и тревог. Надеяться на пополнение припаса невозможно, и Андрей рассудил, что придется разделить его на две равные доли и довольствоваться тремя печеными яйцами в сутки. Он осторожно вытряхнул из карманов все шесть яиц, взял одно из них, разбитое, очистил от скорлупы и съел наспех.

Скудный завтрак ничуть не насытил Андрея.

Когда-то берестовские сорванцы, забредая в поисках романтических приключений к истокам Кальмиуса, ломали у его прибрежий стебли рогоза и лакомились сладковатой, похрустывающей на зубах сердцевиной. Увидев теперь в двух шагах от себя, на иловых наносах, оливковые стрелы этого влаголюба, Русаков сломал несколько стеблей и принялся торопливо выдирать из них съедобную сердцевину.

Он долго лежал в своем укрытии, покусывая стебельки рогоза и неустанно высматривая, не появится ли у реки кто-то из старожилов. Роптала, булькала, торопясь к морю, речушка, покачивался с атласным шелестом камыш. Майское солнце пригревало ласково, нежгуче. Андрей сомкнул глаза, вслушался в дремотные плески и шумы и... поплыл в неведомую страну забвения.

...Он проснулся в тревоге. Ему почудилось, будто вокруг сгрудилась толпа и кто-то властно приказывает ему встать на ноги сию же минуту. Но — какое счастье! — он по-прежнему лежал в камышах, никем не замеченный и никому не нужный. В нескольких шагах от него, на противоположном берегу, стоял на коленях бородатый мужик и озабоченно выбирал из верши рыбу. Он так увлекся своим делом, что не заметил Русакова, не услышал шорохов камыша у себя за плечами.

— Папаша! — негромко окликнул Андрей.

Мужик дрогнул, осел, испуганно озираясь.

— А-а... что ты? — бормотнул он, разглядев незнакомца.

— Папаша,— заговорил Русаков искательно, мягко,— какое это село?

— Село? — переспросил мужик, еще не сладив со своим испугом.— Зоринское... Грузско-Зоринское.— Он пристально, цепко вглядывался в незнакомца.— Это и все? — спросил он, явно торопясь избавиться от нежелательной встречи. Не спуская глаз с камыша, он поддел пятерней шапку и повернулся к тропинке.

— Папаша,— снова окликнул Андрей,— не скажешь, как удобнее добраться до Иловайска?

Мужик, кажется, понял, что неведомо откуда появившийся дезертир или бродяга не замышляет ничего дурного. Только всего и нужно, что дорога до Иловайска? Что ж, это можно... Окончательно поборов оторопь, мужик пошарил глазами в камышах, сказал спокойно:

— Подымись, дай я на тебя гляну.

Русаков поднялся.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—8.

— Ты что — хворый? — удивился мужик, приметив забинтованную руку.

— А там кто? — недоверчиво покосился он на русаковское ложе.

— Это одежда,— сказал Андрей, подняв фуфайку и небрежно бросив ее под ноги.

— Та-ак...— осмелев, протянул мужик.— Тебе дорогу на Иловайск? Ты что — беглый или по казенному делу?

Русаков растерялся. Вопрос мужика застал его врасплох. Но бородач и сам уже смекнул, что перед ним отнюдь не дезертир и не фашистский прихлебатель.

— Проорали Домбас, туды вашу в печенку! — выругался он с сердцем.— Гавкали, гавкали: «Наш бронепоезд стоит на запасном пути»,— догавкались! — Он свирепо сморкнулся в пальцы.— Что тебе в Иловайскому — теща блинов наготовила? Пустят тебя в распыл, как последнего г...— со смаком ввернул он нехорошее слово.— Не надо было отставать от своих. Дай мне, старику, здравые ноги, я бы полоз за своими и день и ночь, и день и ночь...

Его охватила гнетущая тоска, он замолк, поник головою. Молчал и Андрей. От горьких попреков сельского старожила ему стало и стыдно и больно.

Пока старик отводил душу в укорах, Русаков рассмотрел его диковатое обличье. Его одежда и обувь были явно не по сезону: нагольный полушубок с залоснившейся грудиной и черные валенки в высоких самодельных чехлах-калошах из оранжевой резины. Разговаривая, мужик то и дело поеживался, шевелил плечами, словно под одежду ему попала колючка. Не вытерпев, он ругнулся, перекрестил рот, выдавил сквозь зубы:

— «Новый порядок», будь он проклят! Вошь окончательно загрызла.

Андрей прыснул со смеху. Скупо ухмыльнулся и хлебороб.

— Жрать, небось, хочешь? — подавив досаду, спросил он грубовато.— Не погребуешь — наварю этих силявок,— тряхнул он шапкой на изгибе локтя.— А нет — погоди, пока стемнеет, проберешься в хату. Может, и заночуешь?— спросил он участливо, давая понять, что на него можно положиться без риска.

— Нет, ночевать не останусь,— непреклонно сказал Русаков,— а вот подкрепиться немного — это бы не мешало.— Но тут же подумал, что отпускать мужика в хату и надеяться, что он принесет ему на подносе какие-то деликатесы, было бы непростительной глупостью. «Пойдет, стукнет местному полицаю, так будут тебе «силявки»!»

— Если не жалко,— сказал он хлеборобу,— дайте две-три рыбешки, я пожую.

Мужик порылся в шапке, выбирая, должно быть, что получше, и одну за другой кинул в камыши четыре красноперые пузатенькие рыбки длиною в палец. Он проследил, пока незнакомец подберет его даяние, вытер об овчинный испод полушубка ладонь и показал в сторону поля:

— Вылезешь на бугор, свернешь направо и топай прямо и прямо. К вечеру будешь на месте. А случаем собьешься в потемках с дороги, держи ухо востро: в Иловайском, говорят, у немцев пропасть паровозов, так ты по ихним по гудкам и соображай направленье. Топай, браток, в добрый час!

— Тут не опасно?— спросил Андрей, раскладывая по карманам яйца.

— На нынешний день тут его не слыхать,— сказал хлебороб.— Прошли осенью на Амвросиевку чи Таганрог, потом налетела какая-то дикáя команда: перестреляла всю птицу, всю скотину, обчистила погреба и горища и до свиданья. Сидим теперь на голодном пайку. Саранча, чистая саранча,— заключил он с брезгливой усмешкой.

— А власть-то у вас есть какая-нибудь? — спросил Русаков.

— Власть разбежалась. Живем, как при татарах: никого нету. Был староста, и тот кудато смылся.

Шустрая красноперка, прянув из шапки, сверкнула перед носом хлебороба. Он неуклюже присел, поскреб своей медвежьей лапой в траве и бросил поживу обратно в шапку.

Русаков накинул на плечи ватник, морщась от боли, натянул сапоги.

Обведя взглядом то место, откуда он должен был с минуты на минуту уйти, Андрей заметил, что мужик продолжает стоять на берегу в угрюмом раздумье. Он, по-видимому, завидовал голодному бродяге, который моложе и ловчее его и, измученный, не знающий дороги, все же куда-то торопится, стремится.

— Ну, папаша, счастливо оставаться! — сказал Русаков и стал выбираться из камыша.

— С богом! Шкандыбай помаленьку, да не лови ворон,— кратко и душевно напутствовал хлебороб.

Андрея теперь не покидало теплившееся в нем радостное сознание, что он жив, что уцелел в самом страшном испытании, какое только может послать человеку судьба. С каждым часом в нем возрастала уверенность, что у него хватит сил превозмочь и все другие испытания и напасти.

Выйдя на бугор, Русаков оглянулся. Мужик по-прежнему стоял под шатром ивы, и в его сутулой фигуре, его неподвижности было что-то беспредельно горестное, кроткое, вызывающее сострадание. «Вот так и мой отец... Тоже, небось, тоскует, ждет...»

XXIII

Вечерело. Солнце позади Русакова клонилось к закату, и от ног путника далеко вперед стлалась длинная-предлинная тень. Он как бы все время тщетно пытался опередить ее, обогнать.

Сапоги, усохнув, снова казались тесными, в ступнях немилосердно ломило, жгло. Присев на траву, Андрей снял сапоги, взял их под мышку и пошел по вязкой, упругой, как резина, земле сноровистее, легче. На ходу он вынул из кармана рыбешку. Прежде он никогда не ел сырой рыбы и не знал ее вкуса. Сейчас она показалась ему пресной, как стебли рогоза, и так же похрустывала на зубах. «Присолить бы чуток или сдобрить каплей уксуса, и совсем бы за мое почтенье. Вкусом она напоминает раков или крабов».

Русаков с аппетитом съел все четыре рыбешки, но не насытился. Его не оставляла мысль о постукивающих в кармане яйцах. В конце концов он не вынес мýки, полуочистил одно из них зубами и проглотил, почти не жуя, с приступом судороги в желудке. Теперь ему стало немного легче и веселее.

Мысли о пище перестали мучить его, и он, точно прозрев, отдался созерцанию пробуждающейся весенней степи. Среди сочного разнотравья покачивал своими золотыми розетками солнцеликий горицвет, скромно, неназойливо светились крохотные розоватые зонтики полевого вьюнка и целые россыпи дикой ромашки.

В степных ароматах Андрею чудились то росный запах огурца, то запахи кондитерских сладостей, то на него веяло душистым майским медом; и он, забыв о красотах степи, вспоминал, что голоден, что запасов съестного хватит лишь на двое суток и нужно поэтому торопиться. В его душе не было ни колебания, ни отчаяния, он думал лишь об одном: идти, идти!

К вечеру степь стала еще свежее и прекраснее. В ее очаровании и молчании чувствовалось что-то извечно величавое, сокровенное, непостижимое до конца рассудком, рождающее в душе раздумья о смысле и быстротечности жизни и о нелепости, ненужности для человека того, что есть в ней жестокого и несправедливого.

Вдруг тишину разорвал какой-то стрекочущий звук. Русаков прянул с дороги, упал в гущину полыни, ни жив ни мертв распластался ничком на земле. Звук стал быстро нарастать, потом удаляться и глохнуть. Андрей, не поднимая головы, полежал еще с минуту в бурьяне, затем взял оброненные сапоги, с оглядкой вышел на дорогу. Над нею сизой кисеей колыхался вонючий бензиновый газ. Разглядев на земле рубчатый след протектора, Русаков понял, что здесь промелькнул немецкий мотоцикл.

Впереди, на обочине дороги, показалась женщина. Увидев Андрея, она замедлила шаги, оробела, остановилась. С минуту она размышляла, не зная, какое принять решение, потом пошла вперед, будто обреченная на погибель: ступала неверными шагами, перекладывала с плеча на плечо поклажу, пошатывалась, одергивала юбку. Вся она была взъерошена, точно воробей под ветром.

В сумраке она выглядела побирушкой, старухой, какими в те мрачные дни казались все донбасские женщины. Горе и голод обескровили их лица, страх добавил им морщин, лишил их живости, мысли, обаяния. Многие даже старались выглядеть старухами, чтобы спастись от угона в Германию на принудительные работы.

Женщина, наверно, прошла бы мимо, но Русаков, пораженный ее видом, спросил участливо:

— Что случилось?

Незнакомка потупилась, вскинула на него скорбные очи. Это была не старуха, а женщина средних лет, привлекательная и, как видно, душевно ранимая.

— Звери! Звери! — простонала она, заливаясь слезами.— Накинулись двое со смехом... Звери!..

Андрей оторопел, поняв, что сделали с нею, беззащитной, вражеские солдаты, только что промчавшиеся на мотоцикле.

— Звери, звери! — повторила женщина, теребя маленькой, тугой рукой блузку, а другой удерживая у плеча собранную жгутом горловину мешка.— Видит он оттуда, что творится на земле?! — выкрикнула она с надрывом, подняв к небу гневное и скорбное лицо.

Русаков страшился взглянуть ей в глаза, полные стыда, отчаяния, боли. Он не посмел оскорбить ее сочувствием или словами никчемного утешения. Не сказав ничего, он пошел от нее прочь, проклиная свое бессилие. Он молча давал обет пробиться — голодному, полуживому, но пробиться! — к своим, чтобы мстить врагу долго, расчетливо, беспощадно.

Андрей шел, палимый гневом, со звучащей в душе пронзительной жалобой: «Накинулись двое со смехом...» «Двое...— говорил он себе.— Запомним: двое. А сколько было там, в гестапо? Конвоиры с автоматами — не меньше десяти. Затем Путэр и еще один гестаповец. Еще кто? Надзиратель в подвале и шофер грузовика. Всего шестнадцать негодяев. Жалко, не спросил у старика, сколько было в «дикóй команде», что грабила Грузско-Зоринское».

Боясь поранить в темноте ноги, он надел сапоги и шагал без разбора, напропалую.

Чем ближе подвигался он к Миусу, к Донецкому кряжу, тем чаще приходилось преодолевать крутые отроги с колючими кустарниками и каменистыми обрывами и овраги, поросшие ясенем и грабом, устланные слежавшейся листвой, от которой пахло вином и йодом.

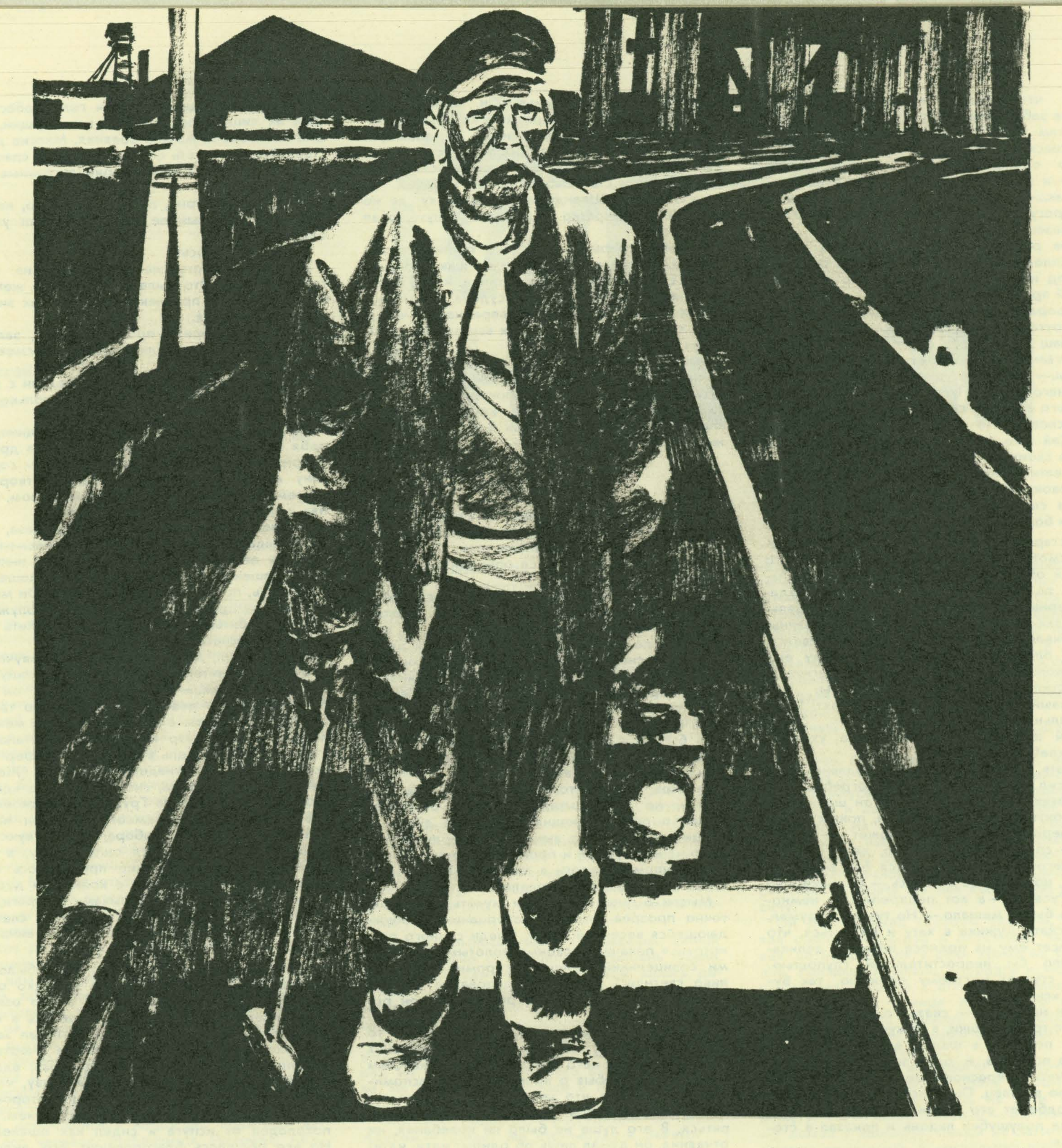
Кляня себя за беспечность, чуть было не стоившую ему жизни, Русаков нередко останавливался, настораживал слух, зорко озирал весь окоем, а когда степь погрузилась в сумрак и лишь на западе грустно дотлевал закат, он приседал и впивался глазами в очертания курганов, кустов, деревьев. Один раз, едва в отвершке байрака присел он на траву, чтобы вслушаться в отдаленный рокот моторов, у его ног шмыгнуло что-то с шуршанием. Он похолодел от испуга и сидел как ошалелый. Но все обошлось благополучно. Его, видимо, напугала поднятая с лежки лиса или заяц. Зверушкам было теперь вольготно: ни один охотник не отваживался показаться где бы то ни было с ружьем, зная, что оккупанты сейчас же покарают его как партизана.

Ночь была безмолвная, нежная, благоуханная. Примолкший Иловайск Русаков миновал стороною, лишь раза два уловив отдаленные, меланхоличные вскрики паровоза.

В лесистой балке за Иловайском он услышал немецкую речь и гулкое тарахтенье моторов. По запаху бензина Андрей догадался, что в зарослях ольхи скрыто хранилище горючего и танкисты с бранью заправляют в темноте свои машины. Он хорошенько все высмотрел и постарался запомнить это место.

На рассвете он подходил к селу, названия которого не знал, но это теперь не тревожило его: он не сомневался, что продвигается неуклонно на восток, к Миусу. На сером пологе неба отчетливо обозначались купы деревьев и нахохленные, рассевшиеся по косогору хатенки под крышами из плоского камня.

Давно уже уклонившись от дороги, Русаков решил обойти и это село стороною, по залежи и оврагам. Невдалеке загадочным призраком белело нечто похожее на вставшего из чертополоха человека с раскинутыми руками. С предельной осторожностью Андрей подкрался к нему, всмотрелся.

Это оказался стоящий на раздорожье указатель. Покрытые белой эмалью и укрепленные на толстом столбе три металлические стрелы показывали три направления. Русаков, приблизив к ним лицо, без труда одолел незамысловатую латиницу: Рубашкино — Чистяково — Артемовка.

Артемовка! Случайный выход на этот перекресток показался Андрею добрым знаком. Значит, он нисколечко не уклонился от направления, предначертанного ему кладбищенским всеведом. Теперь и нужно будет идти в ту сторону, куда нацелена эта стрела. Чертополох, девственная половецкая степь, тройной указатель на распутье, тусклое заревое небо... Он не удивился бы, если б увидел сейчас в степи бородатого витязя на лихом, гривастом коне, в кольчуге и шеломе.

Русаков торопливо сошел с утоптанного, изрезанного колеями проселка и в некотором отдалении от него поплелся по рыхлому чернозему в ту сторону, куда указывала ему стрела, испещренная чуждым шрифтом.

XXIV

Близость фронта чувствовалась во всем. К Миусу с прерывистым гулом, задыхаясь от непосильной нагрузки, пролетела шестерка черных бомбардировщиков. На каждом шагу можно было напороться на вражескую засаду, угодить на мушку немецкого снайпера.

Русаков неторопливо, сторожко подходил к затянутому зыбким туманом байраку. Силы оставляли его. Теперь его меньше мучил голод, а смертельно хотелось лечь и забыться, уснуть, уснуть... На опушке леска он заметил танковый след, упал в траву и долго обыскивал взглядом каждую полянку, каждый кустик. Потом, поеживаясь от утреннего свежака, побрел к буераку. И тут, забыв об опасности, он увидел пробудившуюся росистую степь, которая никогда прежде не представала перед ним такой животворной, такой прекрасной. В лазоревом поднебесье самозабвенно, ручьисто журчали жаворонки. Зеленые просторы были изукрашены цветами. Рдели в траве пурпурные шарики клевера, величаво покачивались фиолетовые жгуты шалфея, пугливо вздрагивал, роняя желтые копейки, чистотел-недотрога. Хотелось верить, что на всей земле нет ничего, кроме этого осиянного неба да пестроцветного степного безбрежья.

Зачем, когда человек идет к своей погибели или своей славе, природа нередко посылает ему такие волшебные утра? Уж не затем ли, чтоб сильнее ранить его душу любовью к жизни или навечно запечатлеть в ней немеркнущий образ родины?..

Раздвигая ветки, Андрей забрался в самую чащобу леса, в заросли шиповника и терна, и облюбовал впадинку под разлатой веткой дуба. Тут он разостлал на слежавшейся прошлогодней листве фуфайку, с усилием стянул сапоги, сбросил влажную овчинную шапку и минут десять лежал на спине, не ощущая боли ни в ладони, ни в заплечье. Сладко ныло в ступнях и коленях. В стороне от больших дорог, в непролазной чащобе он мог спокойно переждать день, отдохнуть, отоспаться, подкрепить себя для броска через последние вражеские укрепления. По его расчетам, он находился в пути часов восемь и прошел, наверное, не меньше сорока километров.

С рассветом за холмами, за нежно зеленеющими полями начало погромыхивать. Если бы не было войны, Русаков подумал бы, что это в ближнем байраке, в карьере, взрывники заготавливают камень для новостроек. Но сейчас первые же глуховатые раскаты обострили его слух и зрение. Выстрелы, поначалу отрывистые, одиночные, порою сливались в сплошной, истошный рев. Время от времени кто-то тяжко ударял в грудь земли, словно кидая на нее гремучие полые ядра. Они катились, неистово грохоча, и этому грохоту долго вторили отголоски в каменистых яругах. Потом взрывы стали чаще и ближе. «Кра-ак! Кра-ак!» Снаряды рвались с сухим треском, и казалось, будто это не артиллерийский обстрел, а на другой стороне байрака кто-то от верхушки до корня раздирает кряжистые деревья.

«А это гвоздят наши! — подумал Андрей с радостью отмщения.— Давай, давай, хлопцы, погуще!»

Потом обстрел прекратился. Он достал из кармана фуфайки яйцо, медленно, смакуя каждую крошку, съел его и утешился мыслью, что весь нынешний день проведет в спячке. Но, съев яйцо, он почувствовал такие спазмы в желудке, такое нестерпимое ощущение голода, что готов был глотать что попало. Не осознавая, зачем он это делает, Русаков начал перебирать, перетряхивать возле себя дубовые листья. Пальцы его нащупали прохладный, скользкий желудь. Андрей обрадованно содрал с него скорлупу, и тугое ядро сухо хрустнуло на его зубах. Покопавшись в листве, он нашел и съел еще один желудь с крепкой и сладкой, как орех, сердцевиной. Больше он не стал рыться в палых листьях, опасаясь выдать шорохом свое присутствие.

В памяти его мелькнула отрадная сценка. Вот он, Андрюша Русаков, в окружении соучеников-пятиклассников, во главе с учителем ботаники Сергеем Ивановичем идет по рыжим, выгоревшим пустырям на экскурсию в Путиловский лес. Там, наполнив карманы пиджачка плодами шиповника и литыми желудями, укрываясь за стволами дубов, он вступает с такими же, как сам, сорванцами в перестрелку... А вот вечерком, в лунном озарении,— все минувшее ему виделось теперь лишь в романтической дымке — он, срезав у себя во дворе три пунцовые розы и из-за спешки оставляя без ответа безобидное материнское подтрунивание: «Погляди, отец, жених-то, жених-то!..» — чуть ли не бегом мчится к своей Наташеньке — поздравить ее с окончанием третьего курса.

Опасность и страдания возвращали Русакова и к картинам отнюдь не лучезарным. Он долго, мучительно перетряхивал в памяти события последних месяцев и постепенно приближался к той черте, преступить которую не решался...

Строго, без пощады судил он и себя самого: «Почему я знал так мало? Почему не сбросил шоры со своих глаз? Почему поверил, что не нынче-завтра наступит жизнь беспечальная, как праздник?»

Однако, как ни был он встревожен и зол, раздумья мало-помалу стали утрачивать отчетливость и стройность, и он неощутимо погрузился в сон.

...Андрей вскинулся, дрожа от страха и не зная, что делать, чтобы спастись от нависшей над ним угрозы. Еще во сне ему почудилось, будто на него рушится какая-то махина, заслонившая солнце и опаляющая его жарким дыханием. Очнувшись в своем логове, он услышал неподалеку выкрики на чужом языке, прерывистые выхлопы газа, осатанелый рев двигателя. Земля дрожала, как в ознобе. Сквозь кружево листвы он рассмотрел очертания немецкого танка с белыми, в черной окантовке, крестами на броне. Над поляной, как над коксовыми печами, жидким стеклом струилось марево. Трепетали, рвались с веток подхваченные током горячего газа листья лесной груши.

«Они, собаки, могут раздавить меня, как козявку»,— со злобой подумал Русаков о танкистах. С минуту он находился в оцепенении. Танк взвыл, заскрежетал, захоркал и двинулся, подминая кусты, в сторону поля.

«Что они тут делали? Ремонтировали танк? Находились в засаде или по пути куда-то решили отдохнуть в затишке, на лоне природы? У, канальи! — погрозил он злорадно.— Фронт — это вам не курки-яйки! А какими они выставили бы себя героями, попади я к ним в лапы! «Вот он, русский партизан! Мы охотились за ним в лесу целый день».

Издалека, из-за увалов, опять дохнуло войною: накатился глухой взрыв, тупо дрогнула земля. Где-то дальше и глуше пробубнил скороговоркой пулемет — казалось, озорник протрещал палкой по частоколу. Фронт был рядом. Теперь Андрею можно было продвигаться к своим без опасения сбиться с пути.

Он помедлил немного, обдумывая предстоящий рискованный путь, и встал, заторопился. Он рассчитал, что еще до наступления ночи пройдет по залежам и байракам десять—пятнадцать километров, вплотную приблизится к фронту, а в глухую полночь преодолеет наиболее опасную полосу немецкой обороны, изрезанную траншеями и ходами сообщений, нашпигованную минами, поминутно озаряемую осветительными ракетами на парашютах.

С юга, от Азовского моря, надвигалась гроза. Небо заволокли черные тучи. Русаков постоял, горбясь под ветками и чутко вслушиваясь в кипение листвы под ветром, в тревожное теньканье одинокой синицы, потом, выпрямившись, шагнул из терновника на пахучую, всю в белых пятнышках земляничного цвета поляну и, то скользя по ковылю, то переходя на мелкий бег, хватаясь за ветки боярышника, устремился ко дну оврага.

XXV

Дождь-хлебодар — теплый, шумливый, с ветвистыми молниями вполнеба, с трескучими раскатами грома — настиг Стругова по дороге в штаб. На размытых глинистых крутосклонах машина вихляла, буксовала, и комиссару вместе с адъютантом приходилось выскакивать под ливень и толкать ее. Они добрались до штаба лишь в потемках.

— Дождичка вам привез! — весело объявил Стругов, минуя дежурную телефонистку и стараясь не задеть ее мокрым кителем.

Приветливо кивнув охране, он без стука вошел в тускло освещенную комнату командарма Бакулина, хранившую приметы недавнего семейного уюта, бросил на подоконник отяжелевшую фуражку.

— Похоже, я нащупал тропинку, по которой можно пронырнуть к фрицам. И есть на примете парнишка — ухо: бывший минер, прирожденный разведчик. Нужно будет завтра же снарядить его чин чином и к ночи — в час добрый!

Переминаясь с ноги на ногу то у стола, то у оставленного прежними жильцами буфета, он доложил командарму о своих впечатлениях от поездки по левобережью Миуса, о замеченных им упущениях в дислокации воинских частей, о беседе с Муравьевым и его наблюдениях на переднем крае обороны. Потом прошел в свою, соседнюю комнату, повесил на спинку стула мокрый китель, сменил гимнастерку и стал читать при свете керосиновой лампы политдонесения из полков и дивизий. Он вспомнил увиденную нынче в окопчике наблюдателя ученическую тетрадь и подумал о сынишке: «Пошел ли он там, в Караганде, в первый класс? Нужно будет спросить в письме Ольгу о его успехах».

Уже перед зорькой Стругов стянул разбухшие сапоги и, не раздеваясь, лег в постель поверх одеяла. Но едва стал задремывать, как часовой за окном вскричал зычно, всполошливо: «Стой! Кто идет?» Послышался глухой говор, топот у входа, досадливое ворчание дежурного по штабу; кто-то, бухая каблуками, прометнулся к комнате командарма, и через минуту генерал Бакулин условным стуком в стену позвал комиссара к себе.

У развешанной на стене огромной карты перед командармом, щурившим спросонья глаза, стоял солдат молодецкой выправки, в бушлате и пилотке, с капельками дождя на лице и докладывал о чем-то необычном.

— Смотри, Леонид Иваныч, какое невероятное дело! — сказал генерал удивленно.— Только что мы с тобой толковали, как бы разнюхать тылы за Миусом, и вот пожалуйста: является оттуда беглец — механик, шахтер. Ушел из-под расстрела. Голодный, избитый до крови... Еле живой приполз к танкистам, в батальон...

— ...капитана Луговцова,— догадливо подсказал солдат.

— Часовой услыхал шорохи в кустах,— продолжал Бакулин,— и чуть не срубил его из автомата. А он, бедняга, как завопит: «Братцы! Братцы!!!» Невероятное дело!

— И где же он теперь, этот шахтер? — настороженно спросил комиссар у вестового.

— Перехватили особисты. Наверно, думают, что лазутчик.

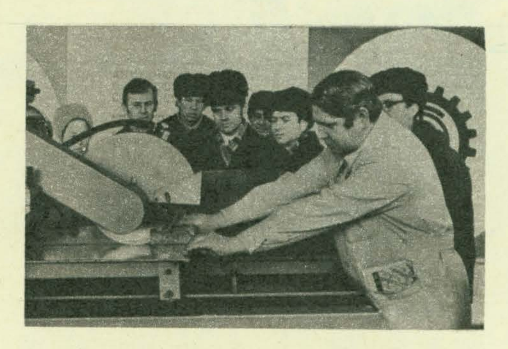
— Избитый в кровь и... лазутчик? — помрачнев, в упор глядя на генерала, усомнился Стругов.

Бакулин понял его с полуслова.

— Ты вот что: скажи, пусть не задерживают парня, давайте его сюда.— И, слегка горбясь от усталости, пошел к столу.

Конец первой книги.

АЛМАЗНЫЙ БАЛ

Один из экспонатов выставки «Алмаз-75» — станок для распиловки гранитных плит.

...Париж, 1908 год. Здесь с большим блеском прошел так называемый «алмазный бал», на который съехались богатейшие люди Европы. Как отмечалось в прессе тех лет, на балу сверкало алмазов в общей сложности на 10 тысяч каратов.

...Москва, 1975 год. Еще один «алмазный бал». На нем представлено 260 тысяч каратов. Только главным действующим лицом «бала» является уже не алмаз-вельможа, а алмаз-труженик.

Речь идет о выставке инструментов из сверхтвердых материалов «Алмаз-75», работает она на ВДНХ СССР в павильоне «Химическая промышленность». 15 ведомств и министерств, участвующих в выставке, представили почти две тысячи экспонатов, в том числе 78 станков, из которых 18 — с программным управлением.

Сегодня у алмаза поистине тысяча профессий — это могут подтвердить металлурги и машиностроители, геологи и электротехники, строители и шахтеры, хирурги и часовые мастера...

У алмаза почти «космические» скорости резания — за одну минуту он может разрезать 250 метров сплавов и более полукилометра цветных металлов. Поражает и стойкость алмазных резцов. Если прежде при ответственных операциях обычный резец требовал подналадки после обработки 50 изделий, то, когда на замену пришел алмаз, эта цифра возросла до 9 тысяч. 45 смен подряд без дополнительной наладки смог работать алмазный резец.

Экспозиция выставки убеждает: синтетические алмазы ныне во многом заменили природные, а в процессах изготовления алмазных порошков и паст, необходимых для шлифования, и вовсе вытеснили естественные алмазы. Ведь если алмазный инструмент при температуре около 700 градусов начинает терять свои лучшие качества, то теплостойкость нового материала эльбора — 1 300 градусов.

Сегодня станкостроительная промышленность СССР выпускает самый разнообразный по размерам, форме и характеристикам абразивный инструмент из эльбора. Он широко представлен на выставке «Алмаз-75».

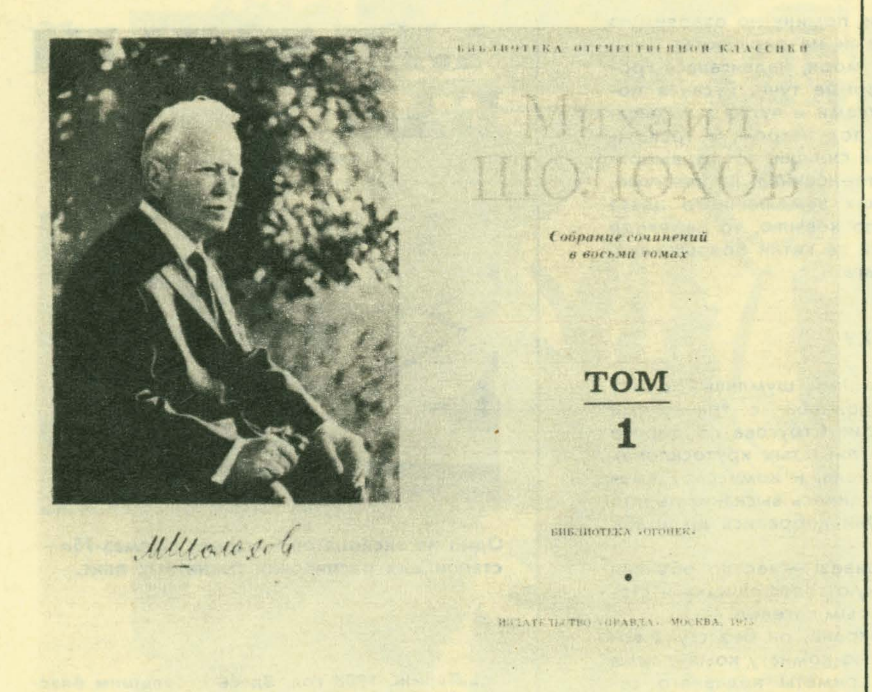
Высока экономическая эффективность применения эльборного инструмента в подшипниковой промышленности. Это подтверждает практика многих предприятий, например, 4-го государственного подшипникового завода, где благодаря эльбору только за последние три года получена двухмиллионная прибыль.

Ленинградским абразивным заводом «Ильич» организовано крупносерийное производство инструмента из эльбора. Заводом освоены и выпускаются инструменты нескольких тысяч наименований, практически для всех видов абразивной обработки.

Советский Союз — крупнейший в мире производитель алмазного и эльборного инструмента, причем значительное его количество идет на экспорт. Советские внешнеторговые организации, полностью удовлетворяя спрос со стороны стран — членов СЭВ, ведут также активные операции с фирмами капиталистических стран. Зарубежные специалисты дают высокую оценку получаемой из нашей страны продукции.

«Вы можете по праву гордиться своей выставкой алмазных и эльборных инструментов, которая как нельзя лучше свидетельствует о достижениях СССР в области науки и техники»,— сказал о выставке Джон Х. Беккер, представитель американской корпорации «Эллиот».

М. СЛУЦКИЙ,
Е. СПИРИН

ШОЛОХОВ
В ИЗДАНИИ «ОГОНЬКА»

В приложении к журналу «Огонек» — «Библиотеке отечественной классики» вышел первый том нового собрания сочинений Михаила Шолохова.

Собрание сочинений М. А. Шолохова открывается первой книгой «Тихого Дона»— великой эпопеи нашего века. Новое собрание сочинений М. А. Шолохова приурочено к 70-летию со дня рождения писателя, которое исполняется 24 мая этого года.

В первом томе помещены иллюстрации О. Верейского.

Гости из «Фрайе Вельт»

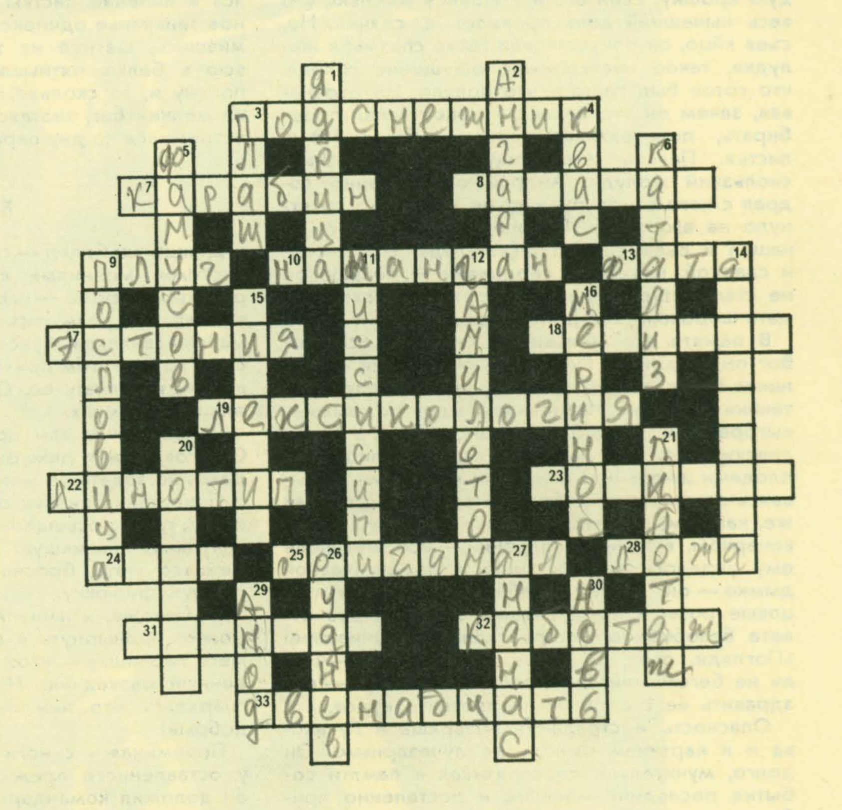
Давние традиционные узы дружбы связывают «Огонек» и журнал «Фрайе Вельт» — орган Общества германо-советской дружбы.

В первом номере «Огонька» за этот год опубликована фотография, сделанная 2 мая 1945 года в Берлине. Как мы уже сообщали, оба журнала совместно ведут поиск советских воинов, которые запечатлены на том снимке.

Недавно у нас в гостях побывали (справа налево): главный редактор «Фрайе Вельт» Иоахим Уманн, заведующий отделом Герман Хуперц и московский корреспондент журнала Пауль Вурхе. Вместе с коллегами из ГДР были обсуждены вопросы дальнейшего сотрудничества.

Фото Б. КУЗЬМИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Цветок. 7. Короткоствольная винтовка. 8. Степная рысь. 9. Сельскохозяйственное орудие. 10. Областной центр в Узбекистане. 13. Свадебный головной убор невесты. 17. Союзная республика. 18. Автор картины «Владимировка». 19. Наука о словарном составе языка. 22. Наборная машина. 23. Денежная единица Венесуэлы. 24. Остров в Восточно-Сибирском море. 25. Подлинник. 28. Часть зрительного зала. 31. Геометрическое тело. 32. Прибрежное судоходство. 33. Поэма А. А. Блока.

По вертикали: 1. Гречневая крупа. 2. Приток Енисея. 3. Верхняя одежда. 4. Хлебный напиток. 5. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 6. Изменение скорости химической реакции. 9. Меткое народное изречение. 11. Река в США. 12. Город в Канаде. 14. Сплав металла с ртутью. 15. Опера Л. Бетховена. 16. Порода овец. 20. Советский драматург. 21. Искусство управления самолетом. 26. Командир крейсера «Варяг». 27. Тропическое растение. 29. Электронная лампа. 30. Роман И. С. Тургенева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 5. Брикет. 6. Газель. 9. Рифма. 11. Тростник. 12. «Всадница». 13. «Челкаш». 15. Лайнер. 16. Кантеле. 18. Лужайка. 20. Сеялка. 22. «Разлом». 26. Ареометр. 27. Нестеров. 28. «Игрок». 29. Блесна. 30. Орбита.

По вертикали: 1. Череповец. 2. Балакирев. 3. Легенда. 4. Варшава. 7. Арка. 8. Сава. 10. Фейхтвангер. 14. Школа. 15. Легар. 17. Репетилов. 19. Корректор. 21. Кремона. 23. Айсберг. 24. Бриг. 25. Янка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Перед началом советско-английских переговоров.

Фото Э. Песова (АПН)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Картина П. Кривоногова «Поединок».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/II—75 г. А 00521. Подп. к печ. 18/II—75 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 279. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 165.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Будни «Русской сказки».

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ,
специальные корреспонденты «Огонька»

СОЛДАТСКАЯ ЧАЙНАЯ

— Чай по-солдатски! Новый сорт!

— Никак нет,— улыбчиво поправляет дежурный по чайной.— Особый способ заварки. Да вы отведайте!

Секрет «сорта» раскрывается тут же — чай горяч настолько, что кажется, вот-вот расплавится стакан, будто плеснули в него не кипяток, а не успевшую остыть лаву.

— Не обжигаемся ли? Как видите.— Сержант показывает на столики, где стоят самовары.— Знаете, какое это блаженство — придешь с учений в морозный день, а тебе стакан такого чая предлагают.

Мы — в «Русской сказке», чайной, несущей свою службу в одной из частей МВО. Могли бы заехать и в любое другое воинское подразделение того же Московского или другого военного округа. И там есть чайные. Отличие может быть в размерах.

В чайной, откуда мы ведем репортаж, все поставлено на широкую ногу. Разносолы, всякие пироги — с капустой и творогом, сладкие и с вареньями; молочные изделия, коржики, кулебяки, кефир, сливки, лимонады.

А чай знай себе кипит и уходить не велит. Да и не собирается никто уходить отсюда. Завязавшуюся за чайным столом беседу можно продолжить в соседней комнате — тут шахматы, шашки, свежие журналы, книги, альбомы.

Умелые солдатские руки так украсили чайную, что равной, пожалуй, не встретишь и в городах. Здесь все хорошо. И большой стол с многоведерным самоваром. И маленькие столики и чеканка на стенах. Большой, многоведерный самовар, что высится в середине главного стола, увенчан гирляндой баранок и надписью-приглашением: «Здесь всегда горячий чай. Подходи и наливай».

Самоваров поменьше — пять или шесть. Такой и к себе на стол можно взять, если собралась солдатская компания. Вот как сейчас, на торжестве по случаю дня рождения. Заметим, кстати: не проходит дня без того, чтоб не праздновался чей-то день рождения. Сегодня два именинника — рядовой Михаил Гвоздев и сержант Рустам Ахметвалеев. Обоим

Ну, а этот снимок в подписи не нуждается.

исполнилось по 20 лет. И до службы в армии они немало успели — один учился в Казанском химико - технологическом институте, другой работал в Клину.

Именинники сначала несколько иронически посматривали на праздничный стол, на яства, на самовар. Но теплеют их глаза, когда появляется торт, а по его шоколадной глади выведено кремом: «От мамы и от папы». Есть такой обычай в чайной, и, прослышав о нем, родственники воинов стали присылать сюда небольшие денежные переводы с просьбой испечь именинный, домашний торт. И зримыми становятся нити, что связывают солдат с отчим домом. По-разному проявляются эти связи. Как-то Анастасия Егоровна Малышева, бабушка рядового Володи Столярова, руками которого сделана здесь деревянная резьба, узнала, что есть в части чайная.

— Поди, самоваров-то у вас и нет... Есть! Да разве сейчас самовары делают! Ты узнай у командира, не обидится за подарок!

И привезли вскоре из деревни Остров, Талдомского района, бабушкин подарок внуку и его боевым друзьям — отличнейшей выделки самовар.

— Мы его по самым торжественным случаям ставим...

...Самовар кипит, уходить не велит. Не велит уходить из чайной, которая стала уже и солдатским клубом.

В нынешнем году будет проведен всеармейский смотр солдатских чайных. Готовятся к нему и здесь, в «Русской сказке».

Юбиляры...

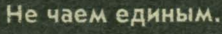
...и их стол.

Солдатский самовар.

Не чаем единым.

— Вот она, наша чайная,— говорит солдат Евгений Лаврентьев приехавшему навестить его деду, ветерану трех войн, Дмитрию Ивановичу Лаврентьеву.

Танцы чайной не помеха.

◄ У рядового Владимира Столярова приятные заботы.

За чашкой чая беседа сама идет... Начальник военторга В. П. Ефанов в солдатской чайной.

Цена номера 30 коп.